

ПОЛ КРИВАЧЕК

ИДИШСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ:

становление и упадок
забытой нации

Пол Кривачек
Идишская цивилизация:
становление и упадок забытой нации

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6023068

Пол Кривачек. Идишская цивилизация: становление и упадок забытой нации: Мосты культуры /
Гешарим; Москва; 2012
ISBN 978-5-93273-326-8

Аннотация

Идишская цивилизация исчезла с земли, где она родилась, ее истинная история была почти забыта. Но она оставила неизгладимый след, и не только в Восточной Европе. Незадолго до ее конца массовая эмиграция евреев в США в конце XIX – начале XX века перенесла еврейские религиозные представления, ценности и традиции на другую сторону Атлантики, где представители идишской цивилизации через кинематограф, музыку, литературу и изобразительное искусство, не говоря уже о торговле и промышленности, внесли свой вклад в то, что мы называем американским образом жизни, и, таким образом, в нашу эпоху глобализации, в образ жизни всего мира.

Содержание

Введение	4
Бист а ид?	9
Корни-шморни!	14
Nostalgie de la boue	17
Евреи Рима	21
Корзина да сено	26
От Средиземного моря до Балтийского	30
Удивительно, как обрезанный единорог	37
Сеннан и Зиппан	40
Передел Западной Европы	44
Слон Карла Великого	49
Новые границы, новая зависимость	55
Drang nach Osten	60
На перекрестках	63
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Пол Кривачек

Идишская цивилизация: становление и упадок забытой нации

Ассамблея рекомендует комиссии Кабинета министров <...> по случаю 50-й годовщины окончания Второй мировой войны и в память фактического уничтожения еврейской цивилизации в Европе воздвигнуть подобающий монумент <...>

Принято Постоянным комитетом, действующим от имени Ассамблеи, 20 марта 1996 г.

Парламентская ассамблея Совета Европы. Рекомендация 1291 (1996), секция 9, параграф viii.

Были между них такие, которые оставили по себе имя, чтобы им могли быть возданы похвалы.

И были такие, о которых не осталось памяти, которые исчезли, как будто их не было никогда, и сделались как бы не существовавшими, также и дети их после них.

Но были они милосердные люди, праведность которых не должна быть забыта.

Мишлей Йегошуа Бен-Сиры (Экклесиастик)

Введение

Пасха 1990 года. Окраина деревни на юге Польши, на полпути между Краковом и Кельце. Католичка Агнешка, молодая мать, сидя за пластиковым столом на обветшавшей кухне, осторожно вырезает из израильской детской книжки тексты на иврите. Рядом с растущей стопкой бумажек лежит груда деревянных голов, рук, ног и длинных плоских туловищ. Окрашив все, кроме лиц, черной краской, а бороды – серой, она соединяет детали, приклеивает к ним кусочки искусственного меха, а к рукам – ивритские тексты. Собранные фигурки величиной в фут она расставляет перед собой на полке, и хасидская конгрегация постепенно растет. Куклы в отороченных мехом кафтанах и в собольих шапках устанавливаются на пружинах. Легкий удар по полке – и они начинают раскачиваться взад и вперед, как растревоженные дети; это движение, называемое на идише *шокельн*, в точности повторяет движения восточноевропейских евреев во время молитвы.

Такая кукла, подаренная на Пасху, приносит удачу, и у Агнешки всегда много покупателей. В прежние времена, рассказывает она мне, дети бегали за возвращавшимися из синагоги хасидами, чтобы прикоснуться к ним – на счастье. Теперь, думаю я, единственная растущая еврейская община во всей Польше сделана из дерева.

Агнешке едва ли более тридцати пяти лет, она родилась не раньше середины 1950-х годов. Я спрашиваю, видела ли она когда-нибудь ортодоксального еврея вживую. Мой вопрос показался ей глупым. «Это наша традиция, часть польской культуры на протяжении столетий», – говорит Агнешка.

Осень 2001 года. По дороге в краковский аэропорт я выглядываю из окна такси на рыночной площади и вижу стоящий на высоком пьедестале памятник польскому поэту

Адаму Мицкевичу. В его великой поэме «Пан Тадеуш» представлено двойственное отношение к евреям, но один из наиболее значительных образов поэмы – патриот Польши еврей Янкель. «Израилю, нашему старшему брату, – писал Мицкевич, – честь, братское отношение и помощь в стремлении к его вечным и временным целям. Равные права во всем!» Я спросил таксиста, что думают сегодня поляки о полном исчезновении еврейской общины, сыгравшей важную роль в их истории. «Вы должны понять, – ответил он, – что прежняя Польша ушла навеки. После 1945 года мы должны были начать все сначала. И мы должны были сделать так еще раз, когда ушли русские. Сегодня мы, поляки, – другой народ. Даже наши границы совсем иные. Конечно, мы унаследовали какие-то воспоминания и некоторые традиции прошлого, но мы чувствуем, что в действительности все это не наше. В далеком будущем мы будем рассказывать истории о давних временах, когда среди нас жили евреи. Но это будет похоже на сказки, которые другие народы рассказывают детям о людоедах, великанах и феях».

Весна 2002 года. Белорусский поселок Раков под Минском. Деревенская учительница в бесформенном синем платье, открыв стеклянную витрину, вытаскивает потрепанный журнал, сдувает с него пыль, и мы оказываемся в 1902 году. Страницы расчерчены на две половины: одна для имени, другая для годовых оценок по каждому предмету в отдельных колонках. Мендель и Славик отличились по арифметике. Эстер не мешало бы подтянуть географию. Люба, Пешке и Вова получили отличные оценки по письму. Аврум, Мойше, Янкель и Зяма – первые ученики в классе. Около половины имен нет в колонке, отведенной для Закона Божьего. Все это еврейские дети.

Было излишним спрашивать, что стало с большинством из них. Учительница уже сводила меня к покрашенному синей краской памятнику, установленному на том месте, где гитлеровская зондеркоманда сожгла дотла раковскую синагогу вместе со всей общиной. Я спрашиваю, когда евреи поселились здесь, что их привело сюда и как они жили. Учительница разводит руками в искреннем недоумении: «Я не знаю. По правде, мне очень жаль. Но, понимаете, это не относится к истории Белоруссии».

Так чья же это история, история евреев, живших в Восточной Европе на протяжении тысячи лет? Те, кто выжил, уехал и обосновался в других местах, в большинстве своем проявляют мало интереса к реальным подробностям того, что они воспринимают как не более чем ужасную сагу об угнетении и бесконечных гонениях. Присоединившись к новому обществу, они изучают историю своего нового дома – Франции, Великобритании, Аргентины, Австралии или США. Верующие евреи хранят в своей памяти лишь имена раввинов и мудрецов, внесших вклад в развитие религиозной мысли. Происходящим из Испании евреям-сефардам, с конца XV века последовательно мигрировавшим в Северную Африку, Турцию, Нидерланды и в Британию, интересно прежде всего собственное прошлое. Таким образом, жизнь целого народа утонула в великом забвении. Четыреста лет назад пражский раввин Давид бен Соломон Ганс (1541–1613) писал: «Все мы как будто родились вчера». С тех пор мало что изменилось.

Данное эссе представляет собой попытку осмыслить эту утерю памяти и спасти прошлое говорившего на идише народа от забвения, собрать воедино подсказки, которые дают нам историки, и определить, как много из идишской истории мы забыли.

Мы забыли, что благодаря Римской империи народы Ближнего Востока и Северной Африки постепенно превратились в европейские нации; как благодаря разделу империи появились западные и восточные евреи; как обе эти ветви развивали наследие римлян, пока спустя столетия они не воссоединились в Центральной Европе и не слились в один народ, говорящий на идише, или в идишский народ, как я буду называть его далее. Само слово *идиш*

означает говорящих на языке идиш евреев и относится как к языку, так и к говорящему на нем народу, к культуре этого народа и к цивилизации, которую он построил.

Мы забыли, что говорящие на идише евреи не только были религиозным и языковым меньшинством, но и сформировали одну из европейских наций, более многочисленную, чем некоторые другие, постепенно обогнав в численности боснийцев, хорватов, датчан, эстонцев, латышей, словаков, словенцев и швейцарцев, не говоря уже об ирландцах, шотландцах и валлийцах. Более того, их вклад в экономическое, социальное и интеллектуальное развитие Центральной и Восточной Европы существенно превышает их долю в численности населения. Идишский народ можно считать одним из самых значительных в Европе. (Прошу при этом заметить, что Ирландия, Испания, Италия и Польша настаивали на провозглашении в конституции Европейского союза «христианских корней континента».)

Мы забыли, что идишские язык и культура зародились, выросли и созрели на славянских землях Восточной Европы, в современных Белоруссии, Польше, России и Украине, в изначально славянских землях – Австрии, Баварии, Саксонии и Бранденбурге, а также в подвергшихся сильному славянскому влиянию Литве, Румынии и Венгрии, откуда в конце XIX – первом десятилетии XX века поколения мигрантов отправились на запад в поисках свободы и улучшения своего материального положения.

Мы забыли, что идишский образ жизни создавался одновременно в тесной связи и в конфронтации с католиками. Хотя в последнее столетие перед Холокостом значительная часть евреев жила на православной территории, они попали туда сравнительно поздно, в силу исторических событий. Однако становление идишского народа происходило среди баварцев и австрийцев, богемцев и моравцев, поляков и литовцев, которые все исповедовали католицизм.

Таким образом, хотя ни одна из сторон не захочет этого признать, идишский мир был продуктом не только собственно еврейской, но и католической и славянской культур, общим детищем евреев, славян и католиков. Роза расцветает по велению искры жизни, но и садовник, ухаживающий за розовым кустом, имеет полное право чувствовать гордость за его цветение; так и католическо-славянский мир справедливо может чувствовать себя наполовину родителем идишского мира и гордиться его достижениями.

Проходя по просторной Рыночной площади Кракова мимо величественного Мариакского костела XIV века, мимо небольшого, но изысканного романского костела Св. Войцеха, мимо огромной готической башни, оставшейся от ратуши, после того как на ее месте были построены впечатляющие ренессансные Суконные ряды – изящные, кокетливые и напоминающие разноцветное и многослойное итальянское мороженое, можно увидеть яркий новенький указатель, ведущий в «еврейский город». Эта надпись свидетельствует о том, что краковцы и городские власти признают, что соседний Казимеж – это более чем просто район, в котором жили евреи.

Гениальный фотограф Роман Вишняк в конце 1930-х годов взялся за опасное и отчаянное дело, решив запечатлеть картины восточноевропейской идишской жизни накануне ее окончательного разрушения¹. В Казимеже можно остановиться под тем же указателем на углу улицы Исаака, где он сделал снимок в 1938 году: перед фотокамерой бушует метель, по улице идет женщина в длинной юбке, яркой разноцветной шали и в головном платке; позади нее спешит куда-то седобородый старик в смятой шляпе, их головы склоняются под порывом ветра. Или можно встать на углу улицы Шерока (Широкой улицы) на том самом месте, где в том же 1938 году великий фотограф навеки запечатлел трех оживленно беседующих веселых хасидов, идущих в синагогу или из нее, – в длинных сюртуках, в черных сапогах

¹ Vishniac R. A Vanished World. New York: Farrar, Strauss & Giroux, 1983.

и в особых меховых шапках, именуемых *штреймель*, которые традиционно шили из семи соболиных хвостов.

Несмотря на годы нацистской оккупации с ее антисемитской психопатией и на сменившее его социалистическое бремя антирелигиозных и политических репрессий, улицы и здания Казимежа выглядят почти в точности так же, как их запечатлел Вишняк. Даже множество синагог после долгих лет осквернения и обветшания все еще стоит.

Но как ни старайся вдохнуть чувства и дух в кирпичи и строительный раствор, без евреев, населявших эти дома и ходивших по этим улицам, нельзя представить себе идишский мир, некогда пышно цветший в этих местах. Нет раввинов и студентов-талмудистов, выходящих из своих училищ-*ешив*, нет уличных торговцев и разносчиков, спешащих на рынок, нет владельцев лавок и магазинов, зазывающих покупателей, нет богатых купцов в меховых шубах и их волочащих ноги служащих в очках с проволочными оправками, нет хасидов, ортодоксальных набожных евреев в традиционных костюмах, нет учеников школ-*хедеров* в потрепанных коротких штанах и драных школьных кепках, нет госпожи Калицкой, переступающей порог своего дома в туфлях на высоких каблуках, чтобы показать соседям купленную мужем новую лисью накидку, нет Йоселя и Менделя, бородатых пожилых мудрецов в блестящих черных кафтанах и меховых шапках – таких старых, что они знают все на свете лучше всех, – перегородивших тротуар, яростно и одержимо обсуждающих какое-то место из еврейского религиозного закона... Без всех них квартал Казимеж потерял ту магию, которой когда-то обладал.

Но даже лишенный своих прежних обитателей, этот район служит напоминанием о том, что исчезнувший восточноевропейский народ, говоривший на идише, создал нечто великое – еврейско-польскую и еврейско-литовскую субкультуру. Казимеж не был просто районом, который населяли евреи, он был истинно еврейским городом, частью идишской цивилизации.

Строго говоря, цивилизация, созданная людьми, которые говорили на идише, не была частью христианского мира. Их жизнь проходила в стороне от жизни соседей-католиков, у них был свой язык, свой стиль в поэзии и прозе, свои собственные повседневные и ритуальные костюмы, отличные от окружающих орнаментальные мотивы, особый вкус еврейской веры, специфическая система ценностей и семейные традиции, характерная социальная структура. От этой цивилизации осталось много памятников: печатные книги, свитки Библии на древнееврейском языке, культовые предметы, домашняя утварь и столовая посуда, синагоги и кладбища. Она породила уникальные политические структуры, например назначаемый самоуправляемыми общинами центральный законодательный совет, который имел обязанность регистрировать рождения, браки и смерти, определять налогообложение, имел право рекомендовать и осуждать, арестовывать и наказывать, поддерживать близкие отношения с властями, но в совершенно особой форме.

Эта цивилизация выросла в западнославянских землях, восточная часть которых потом стала чертой оседлости Российской империи – территорией, на которой разрешалось селиться евреям после разделов в XVIII веке Речи Посполитой – страны, земли которой, населенные евреями, отошли трем империям: светской Пруссии, католической Австрии и православной России. В религиозном отношении это была ничейная территория на стыке римско-католического Запада и православного Востока, простиравшаяся от прибалтийской Риги на севере до причерноморской Одессы на юге. В целом эпоха этой цивилизации продолжалась с XI до середины XIX века, когда были уничтожены последние остатки ее автономии. Впрочем, ее остатки существовали на протяжении еще столетия, пока пакт Молотова–Риббентропа не отправил одну половину польских евреев в руки гитлеровских

массовых убийц, а другую – в руки не менее одержимых и, возможно, более невежественных и безнравственных сталинских комиссаров.

Идишская цивилизация исчезла с земли, где она родилась, ее истинная история была почти забыта. Но она оставила неизгладимый след, и не только в Восточной Европе. Незадолго до ее конца массовая эмиграция евреев в США в конце XIX – начале XX века перенесла еврейские религиозные представления, ценности и традиции на другую сторону Атлантики, где представители идишской цивилизации через кинематограф, музыку, литературу и изобразительное искусство, не говоря уже о торговле и промышленности, внесли свой вклад в то, что мы называем американским образом жизни, и, таким образом, в нашу эпоху глобализации, в образ жизни всего мира.

Бист а ид?

В начале 1950-х годов мир был окрашен в цвета «техниколора»², а летом никогда не было дождей. Нэт Кинг Коул возглавлял хит-парад со своей песней «They Try to Tell Us We're Too Young», команда «Тоттенхэм хотспур» была главной в футбольной лиге, а «Ньюкасл юнайтед» выигрывали у «Блэкпула» на Кубке Англии по футболу. Масло, мясо и сладости в Британии все еще продавали по карточкам. Карманных денег не хватало, особенно школьникам вроде меня, и мы экономили на автобусных билетах, шли пешком километра три³ и покупали себе шипучку.

В нашей школе на северо-западе Лондона учились ребята, жившие на большой территории. Каждое утро подростки в школьной форме входили в викторианское здание из красного кирпича. Мы собирались со всех концов района; среди нас было много мальчиков из рабочих семей, живших в стоявших рядами типовых домах, были дети из среднего класса, которые жили в многоквартирных домах с претенциозными названиями наподобие «Особняк Гросвенор», и небольшое количество детей богачей из просторных особняков с въездными дорожками, двойными гаражами и садами в несколько акров. Одного юного сикха в тюрбане шофер ежедневно доставлял к воротам школы на «бентли». Однако он был исключением, а главным религиозным меньшинством были евреи, которым послевоенные британские средние школы предлагали хорошее образование.

Вспоминая эти дни, скажу, что тогда между горожанами и школьниками не было заметных конфликтов. Разумеется, в темных уголках района собирались подростковые банды, но мы знали, как их безопасно обойти. Однако для некоторых из нас существовала другая опасность, избежать которой было намного труднее. Часть моего пути в школу проходила через один из богатых кварталов, вдоль улиц с большими домами с железными воротами, вдоль цветущих садов, теннисных кортов и площадок для игр. Как раз на границе с этой казавшейся безмятежной пасторальной местностью еврейских мальчиков наподобие меня подстерегала угроза, чреватая жестокими побоями.

Когда мы были настороже, то могли заметить опасность: по аллее, ведущей к местной синагоге, прохаживалась группа почтенных с виду мужчин средних лет в темных костюмах. Иногда можно было успеть быстро проскочить мимо них. Но мальчишкам свойственно мечтать, а длинная дорога до школы давала воображению прекрасную возможность разыграться. Частенько ты случайно попадал туда, где до тебя мог добраться один из этих типов, который немедленно перебежал через дорогу и хватал свою жертву. Обычно школьник узнавал об уготованной ему участи, ощутив руку, держащую его за плечо, и слыша пугающий зловеющий шепот: «Ш-ш-ш! Бист а ид?», – и уже было понятно, что он попался.

Эта фраза на идише означает: «Ты еврей?» Мальчика хватал один из *миньян-шлепперов* – синагогальных служащих, в обязанность которых входило притаскивать в синагогу людей для создания кворума из десяти ритуально взрослых мужчин (*миньян*), чтобы можно было начать утреннюю службу.

Спешу объяснить, что наша боязнь быть пойманными таким образом ни в коей мере не была вызвана какими бы то ни было антирелигиозными чувствами. Напротив, многие из пойманных недавно отпраздновали религиозное совершеннолетие, *бар-мицву*, и все еще с энтузиазмом старательно читали дома молитвы. Практическая проблема состояла в том, что ждать, пока соберется *миньян* и пройдет служба, было чревато опозданием в школу, что в ту пору часто кончалось настоящими побоями.

² «Техниколор (technicolor)» – один из способов получения цветного изображения на фото- и киноплёнке. – Прим. ред.

³ Здесь и далее для удобства читателя английские мили (1,61 км) переведены в километры. – Прим. ред.

Без сомнения, *шлепперы* говорили на идише, чтобы неевреи не могли их понять. Но для нас, мальчиков, это имело другое значение. Если бы нас спрашивали по-английски, мы могли бы рассказать о наказании, которое ждет пропустивших утренний урок, о домашнем задании по французскому, которое надо было закончить перед следующим уроком, об утренней тренировке по регби, пропустить которую означало получить болезненный пинок в зад садистским сапогом тренера. Но на идише... Невозможно было бы даже начать разговор о таких вещах, он был бы совершенно бессмысленным. Идишский мир не придавал значения таким школьным делам, как занятие по французскому или регби; у него были другие приоритеты и совершенно другие ценности. Язык идиш защищал этот мир, как высокая и непреодолимая стена. Через языковой барьер школьник не мог пронести свой обыденный мир и свои заботы в идишский мир.

Идиш исключал не только неевреев, но и других евреев. Хотя все евреи разделяют одну и ту же религиозную основу, почитают Тору (Пятикнижие Моисея) и признают Талмуд, их культуры и языки различны. Слова *шлепперов* были бы непонятны для давно признанной в Англии общины сефардов – выходцев из мавританской Испании, появившихся здесь во времена Кромвеля. Они бы ничего не значили и для евреев *мизрахи* (восточных) из арабских стран, а также для тех, которые произошли из Ирана, Центральной Азии или Индии. Ассимилированные в языковом отношении евреи – выходцы из Италии и Франции, несмотря на свою набожность, тоже остались бы в неведении. Даже баварские и австрийские евреи поняли бы смысл вопроса лишь потому, что он звучит одинаково на идише и на австрийском диалекте, но, даже будучи евреями, они не были частью идишского мира. Слова *миньян-шлепперов* были обращены исключительно к «нашим», *ундзере лейт*, как сказали бы они сами, к еврейским семьям, которые эмигрировали из Польши, Литвы, Венгрии, Румынии, России и Украины – идишских земель, в целом известных под названием *дер гейм* («родина»), и поселились в Британии за последние семьдесят лет.

Это было не первое мое знакомство с неуютной идеей о том, что разные люди, пусть даже они живут в одном и том же месте в одно и то же время, могут воспринимать действительность совершенно по-разному. Как сын эмигрантов, я всегда понимал, что еще долгое время после нашего приезда в Англию мои родители жили совсем не в той стране, что я. Входная дверь нашего дома была границей между мирами, такой же отчетливой, как колючая проволока, разделявшая тогдашнюю Европу. Внутри нашей квартиры был довоенный Баден – маленький курортный городок возле Вены, снаружи был послевоенный Лондон. Ко времени, когда мне исполнилось десять, из разговоров родителей я усвоил весь воображаемый ландшафт, состоявший из знакомых по названиям улиц с известными приметами. Хотя я покинул Австрию, когда мне еще не было двух лет, я ощущал себя, как будто часто прогуливался по баденской улице Брайтнер с чумной колонной на главной площади, ходил по Кирк-парку и ел мороженое возле фонтана «Ундина» – и все это выходя из нашего многоквартирного дома на северо-западе Лондона. То, что я до сих пор, спустя шестьдесят лет, помню эти названия, свидетельствует о том, насколько отчетливо воспоминания моих родителей стали моими. (Без сомнения, так могли бы сказать о себе дети из любой эмигрантской семьи. Рожденные в Британии официанты из находившегося неподалеку ресторана «Балти», конечно, так же хорошо знали каждый дом и каждую улочку, мечеть и медресе в бангладешской деревне, откуда происходили их предки.)

Идишский мир тоже имел свою особую топографию, в которой были отмечены такие города, как Хелм, Лемберг (ныне Львов), Пинск и Бельцы, прославленные в еврейских легендах и песнях и населенные таинственными, но почтенными личностями наподобие Баал Шем Това, Виленского Гаона и Сатмарского ребе и знаменитыми семьями вроде Ландау, Бродов и Раппапортов. Я знал этот мир так же, как его знали мои даже нееврейские одноклассники нашего круга. Ведь у нас были друзья, деды и даже родители которых пусть и

родились в Британии и принадлежали ко второму поколению иммигрантов 1920-х годов, но придерживались обычаев и ценностей своей восточноевропейской исторической родины, читали молитвы на иврите с сильным идишским акцентом и говорили дома на идише.

Разговоры велись, однако, не только на идише. К этому времени новое поколение говорило по-английски и легко переходило с английского на идиш и обратно в зависимости от темы. Выбор языка мог многое сказать о чувствах говорящего: бизнес и политика всегда обсуждались на идише – в конце концов, для этой сферы использовались одни и те же слова: *гониф* («вор»), *швиндлер* («лгун»), *фарбрехер* («жулик»); на идише говорили о домашних делах, еде, одежде, личных чувствах и внешности других людей: «Шейнере лигт мен ин дредд» («Они хоронят тех, кто выглядит лучше них»). Английский лучше подходил для обсуждения проблем, связанных с техникой, например, когда *фаршолтнер* (проклятая) машина опять не заводилась с утра, а также предметов, считавшихся высокими, таких, как посещение врача или учителя; я не помню также, чтобы вопросы о школьных делах задавались на идише. Достаточно неожиданно, что тот же подход применялся и в религиозных делах. Правда, раввин общины регулярно вел беседы на идише, но в большинстве домов во время разговора по-английски произносились ивритские религиозные термины: *хазн* (кантор), *сидур* (молитвенник), *кидуш* (праздничное благословение). Подробности, связанные с сексом, разумеется, не обсуждались ни на каком языке, но, когда рассказывали анекдоты, считалось, что язык неевреев для этого плохо подходит.

Различия между евреями и неевреями, в большинстве случаев игнорируемые английским языком, всегда акцентировались в разговорах на идише. Еврейской религии свойственны разнообразные бинарные классификации: дни календаря делятся на праздничные и будние, пища – на мясную и молочную, мясо – на кошерное и *трейф* (некошерное), ткани – на шерстяные и льняные, евреи – на священнические семьи (*когены* и *левиты*) и остальные (*израиль*). Люди тоже были либо *идн* (евреи), либо *гойм* (неевреи). Последнее слово заимствовано из библейского иврита и обозначает «народ»; *гой* (множественное число *гойм*) – «нееврей», прилагательное *гойш* – «нееврейский», абстрактное существительное «гойство» (по-английски *goishness*) применялось к тем, кто напился и валяется в уличной канаве. Но, подобно словам *гора* («белый человек») на хинди и урду или цыганскому *гаджё* (нецыган), слово *гой* обладает лишь мягким уничижительным налетом. Чтобы оскорбить всерьез, использовали сленг ист-эндских кокни. По образцу английского обращения *yob* вместо *boy* («парень») слово *гой* превращалось в *йог* (произносили и даже писали *йок*) – подходящее словечко для хамов, выкрикивавших непристойности и швырявшихся камнями, когда мы возвращались по субботам из синагоги. Но даже слово *йок* могло приобретать некоторый иронический оттенок. Бабушка моего близкого друга считала, что воскресный обед у англичан состоит из ростбифа и *йокиширского* (вместо «йоркширского») пудинга.

Излишне говорить, что это был религиозный мир, но религиозность скорее приобретала упрощенную, бессознательную форму, свойственную мировоззрению традиционного общества, чем выражалась в суровой набожности истово верующих. Религиозные правила выполнялись, потому что так было принято, а не потому, что так предписано Богом. Люди ходили в синагогу по субботам и праздникам, потому что туда полагалось ходить. И совсем не так, как известные мне преданные прихожане церкви с поджатыми губами; зайдя в синагогу, чтобы выполнить свой долг, многие члены общины продолжали сплетничать, рассказывать анекдоты и обсуждать свои дела во время службы. Часто в субботнее утро это бормотание в синагоге становилось настолько громким, что раввин и служба захлопывали крышки подставок для чтения и призывали к тишине, чтобы молитвы кантора можно было слышать хотя бы на небесах. Аналогичным было и отношение к кашруту. Некошерной еды и блюд, в которых смешивались молочное и мясное, строго избегали не столько по требованиям еврейского религиозного закона, сколько потому, что сама мысль о том, чтобы отведать свинины,

моллюсков или тушенной в сметане телятины была тошнотворной и отвратительной, как для англичанина – мысль о том, чтобы съесть муху или овечий глаз.

Все это являло разительный контраст с отношением к религии моих собственных родителей, которое было более осознанным и обусловленным Писанием и Законом: моя мать была родом из моравского Никольсбурга (ныне Микулов), из клана с сильными раввинистическими связями. Это было не единственное отличие, поскольку каждая из сторон смотрела на другую с подозрением и презрением. Люди, подобные нашей семье, евреи из Вены, где они составляли около 10% довоенного населения, теперь оказались в роли двойного меньшинства, которых превосходили по численности и неевреи, и евреи, говорившие на идише. Они подозревали, что идишские евреи выиграли от войны с нацистами; обвиняли их в том, что те сделали мало или ничего для помощи своим единоверцам в годину бедствий; считали их непросвещенными средневековыми людьми, их язык – варварским жаргоном, их веру – неотличимой от вульгарных предрассудков, а их самих – виновными в том, что они обесславили благородные чаяния иудаизма. Напротив, говорящие на идише видели в недавних эмигрантах из Германии и Австрии вроде нас ассимилировавшихся отступников, находившихся в одном шаге от обращения в христианство, и считали Холокост карой за принятие современного западного образа жизни, называя нас замечательно древним словом *апикорсим* (буквально – «эпикурейцами»).

Мальчишкой я регулярно участвовал в переговорах между этими тремя резко отличавшимися друг от друга группами, которые казались мне чем-то вроде параллельных миров. Когда после школы меня приглашали на чай к приятелю, я должен был утром покинуть 1930-е годы на континенте, провести школьные часы в Англии 1950-х годов и после уроков войти в идишский мир времен... каких? Дату того, что казалось одновременно и нынешним и древним, и современным и вневременным, определить было невозможно.

Дело было совсем не в том, что говорящие на идише проводили одну часть жизни в современной Британии, будучи активно и успешно включенными в бизнес или в профессию, а другую – в собственном непостижимом вечном мире. В отличие от германских, австрийских, французских и итальянских евреев и даже сефардов казалось, что у них нет истории. Или, точнее, у них не было интереса или даже воспоминаний о людях и землях, не связанных с их недавними семейными традициями. Более того, многие из них не знали названий восточноевропейских городов, откуда эмигрировали их семьи, а некоторые даже забыли, какие у них были фамилии до того, как эти фамилии были переделаны на английский манер, и казалось, что это их совершенно не заботило. Дважды перемещенные – сначала из европейского *гейма* в лондонский Ист-Энд, где они поселились поблизости от пристани, куда пришел их корабль, а в следующем поколении переехавшие на окраины, – большинство известных мне идишских семей, казалось, совершенно утратили свое прошлое.

Они представляли себя как общество с корнями, затерянными в России, Польше и Литве. Подразумевалось, что у них нет истории, потому что с евреями ничего не произошло с тех пор, как они поселились на этих землях неизвестно сколько столетий назад, с тех пор, как они жили в местечках и деревнях, будучи раввинами, ремесленниками, трактирщиками и мелкими торговцами, привлекая к себе как можно меньше внимания, пока подавляющая враждебность окружающего религиозного большинства окончательно не вырвала предыдущее поколение из мест проживания и не толкнула его на поиски нового прибежища на Западе. Их воспоминания о покинутых местах были так ужасны, а борьба за то, чтобы оставить все это позади, так болезненна, что они не проявляли никакого интереса к воспоминаниям о прежней стране – одну лишь сильную неприязнь.

Но в то же самое время люди, говорившие на идише, прекрасно чувствовали древнюю историю. Они были накоротке с библейскими царями и царицами, с дохристианскими пророками, бродившими по иудейским холмам, с мудрецами, в первые шесть веков нашей эры

составившими еврейские законы в Вавилонии. Период между теми эпохами и нынешней совершенно выпал – это был огромный пролив амнезии, отделяющий древний Восток от современного Запада.

Тогда я думал, что забвение целого тысячелетия, вероятно, является реакцией на травму Холокоста. До эры нацизма носители идиша в Британии еще могли считать себя экспатриантами или беженцами со своей восточноевропейской родины, многие из них поддерживали связи с оставшимися там родственниками – наш ребе, например, закончил духовное училище в довоенной Польше. Точно так же англичане южноазиатского происхождения еще считают себя частью индийской, пакистанской или бангладешской диаспоры, куда часто ездят во время отпуска, и даже вступают в браки с выходцами из их родных мест. Но уничтожение континентального еврейства прервало связь говорящих на идише со своим прошлым. Кошмар конца идишского *гейма* вызвал то, что психологи называют состоянием отрицания, *гейм* как бы никогда не существовал, как будто стирание памяти о прошлом могло облегчить боль от его потери.

Теперь я прихожу к выводу, что в 1950-е годы глубокий стыд от ужасной судьбы европейского еврейства сыграл важную роль в устойчивой амнезии британских евреев. После 1948 года они обратили взор на более отдаленные по времени горизонты и признали в новом Государстве Израиль землю, на которой две тысячи лет ежедневных молитв обеспечили им их истинную прародину.

Прошло пятьдесят лет с тех пор, когда подобные мне мальчишки подвергались нападениям *миньян-шлепперов*, пятьдесят лет, за которые о лондонском поколении тех, кто еще помнил некое подобие истинной идишской жизни, остались лишь воспоминания. За это время произошла революция, мгновенно перевернувшая конформистское и строгое британское общество; первый ее залп прогремел в 1956 году, когда после показа фильма «Рок круглые сутки» сиденья во многих кинотеатрах неожиданно оказались изрезанными ножами.

Революция заключалась не только в сексе, наркотиках и рок-н-ролле. За следующее десятилетие Америка кроме Элвиса Пресли, Боба Дилана и Джимми Хендрикса видела марши за гражданские права и протесты против войны во Вьетнаме. Британия кроме «Битлз» и «Роллинг стоунз» пережила провал своей суэцкой авантюры, конец цензуры над литературой и драматургией и приход к власти социалистического правительства, преданного идее технической революции. Весь западный мир признал феминизм и права женщин.

Евреи тоже пережили своего рода музыкальную и социальную революции: они увидели бродвейский мюзикл «Скрипач на крыше» Харника и Бока, основанный на рассказах об идишской жизни писателя конца XIX – начала XX века Шолом-Алейхема, ученика Диккенса, но одновременно они были захвачены драмой израильской Шестидневной войны. И то и другое сыграло важную роль: война заставила евреев произвести переоценку своей идентичности и вызвала страх за будущее своего государства, но именно мюзикл помог им понять, как надо представлять себе свое еврейское прошлое.

Корни-шморни!

В 1950-е годы большинство лондонских евреев одевались, как все вокруг. Не из страха возбудить подозрения, а просто потому, что они не видели смысла чем-либо отличаться от остальных. Некоторые ортодоксальные евреи даже ходили по улицам с непокрытой головой. Чтобы преуспеть в своем деле, *миньян-илепперам* оставалось полагаться только на свою утонченную способность распознавать еврейские лица, и нередко они совершали комические ошибки. Нынешние же ортодоксы гордятся тем, что выделяются своим внешним видом и пользуются правом выглядеть не так, как другие. Более того, многие хасиды, особенно по субботам и праздникам, заходят еще дальше и надевают некое подобие исторического костюма: черный кафтан, опоясанный кушаком, бриджи до колен поверх белых чулок, коричневую меховую шапку в форме колеса – по моде, видимо заимствованной у польских дворян XVII века.

Новое желание выделиться из толпы было следствием не столько роста численности ортодоксов среди еврейского населения и одновременным ростом религиозности среди христиан и мусульман, сколько желания манифестировать себя как евреев. В конце концов, одежда имеет мало отношения к строгой вере, это скорее символ, обращенный больше к другим людям, чем к Богу. Однако желание евреев выделиться в своей одежде не только отделяет их от нееврейского окружения. Детали одежды важны как сигнал, который подается остальным евреям. Например, целый набор головных уборов, называемых *кина*, *капл*, *кепл*, *ермолка*, сделанных из различного материала, используется как сложный код, позволяющий отделить хасидов от обычных ортодоксальных евреев, ортодоксов – от религиозных сионистов, а последних, в свою очередь, от сионистов светских. Человек, носящий вязаную ермолку *кина сруга* вместо матерчатой, декларирует свои политико-религиозные взгляды более явно, чем если бы он ходил со знаменем в руках.

Во всяком случае, от возрождения еврейской духовности следовало бы ожидать возвращения к одежде патриархов и пророков или вавилонских раввинов, но не к костюмам, которые когда-то носили в мире изгнания. Климат Британии едва ли подходит для средиземноморской одежды, но ультраортодоксы носят одну и ту же униформу и в Иерусалиме, и в Лондоне.

Возрождение костюма польского двора у хасидов является лишь одним из аспектов неожиданного и удивительного нового открытия корней восточноевропейского еврейства в каждом секторе общины. Далекое от желания стереть все воспоминания о прошлом *гейме*, нынешнее поколение деловито старается оживить память о нем. Даже в Израиле – государстве, основанном, чтобы позволить евреям возвратиться в Святую землю, многие молодые люди страстно ищут связей с диаспорой. В общем, «корни-шморни», как назвал писатель Говард Джекобсон эссе о том, как сам он закидывал сети в воды наследия предков⁴.

Но меняются времена, а с ними моды и ценности. То, что наши родители считали постыдным, для нас может быть источником гордости, а то, что мы не одобряем, нередко расхваливают наши дети. Сегодня кажется, что все хотят стать частью этнического меньшинства, когда-то подвергавшегося дискриминации. Чернокожие и азиаты кажутся не слишком привлекательными, поэтому в Британии образцом служат ирландцы, шотландцы и валлийцы. Евреи, в свою очередь, как и все, подвержены обаянию и самообману сентиментальной моды.

⁴ Jacobson H. Roots Schmoots: Journeys Among Jews. London: Penguin Books, 1993.

Существует устойчивое и довольно романтическое представление о том, как должно выглядеть меньшинство. Прежде всего, разумеется, у него должен быть язык меньшинства, свой национальный костюм, свои народные традиции, мифы, легенды и ритуалы, а также по возможности свои собственные виды мистицизма, оно должно иметь свою народную музыку, песни и танцы.

В книге Генри Сапозника, активного деятеля возрождения клезмерской музыки, благодаря которому музыка еврейской Восточной Европы зазвучала в американских данс-холлах и на свадьбах, есть следующий эпизод. Когда он учился одному из стилей игры на банджо у традиционного скрипача из Каролины, наставник спросил его, почему так много молодых евреев хотят учиться этой старинной музыке: «Разве у вашего народа нет своей собственной музыки?»⁵ Сапозник мог бы сказать: «Конечно, мы поем в синагогах каждую неделю». Он мог бы ответить и так: «Конечно, разве вы не слышали о Мендельсоне, Мейербере, Малере, Оффенбахе или Шёнберге, не говоря о более популярных композиторах — Берлине, Гершвине, Керне, Лёсслере и Бернстайне или о других пяти сотнях или около того еврейских композиторов и исполнителей с мировым именем, перечисленных в “Encyclopaedia Judaica”?» Но он этого не сказал. Ведь то, что эти композиторы сложились во многом благодаря своему еврейскому происхождению, не имеет значения: они недостаточно этнические.

Сапозник отказался от имиджа хиллибилли⁶ и творческого псевдонима Хэнк, обратившись к новым приоритетам, более отвечавшим его представлениям о себе. Вскоре он обрел единомышленников, и через короткое время клезмерская⁷ музыка снова появилась на радио и стала выпускаться на компакт-дисках. За пятьдесят лет до этого такие кларнетисты, как Мезз Меззроу (Милтон Мезиров), Арти Шоу (Артур Якоб Аршавски) и Бенни Гудман бросили клезмер ради джаза и свинга. Теперь благодаря неожиданному повороту истории молодые еврейские музыканты вернулись к старой, прежде презираемой музыке. Многие евреи, не переступавшие порога синагоги со дня своей бар-мицвы, и даже некоторые из тех, кто женился вне своей веры, теперь хотели, чтобы на их свадьбах играли клезмерские оркестры. Эта музыка привлекла и неевреев: клезмерские ансамбли появились в самых неожиданных местах, даже в Японии.

Язык идиш тоже оказался неожиданно жизнеспособным. Хотя число говорящих на нем неуклонно уменьшается, а почти единственную группу все еще употребляющих его в качестве основного языка составляют ультраортодоксы, повсеместно молодые евреи, даже не имеющие отношения к странам, где на идише говорили до войны с Гитлером, хотят освоить, пусть даже не в совершенстве, а поверхностно, диалект восточноевропейских евреев. Курсы идиша часто предлагаются в стенах академических учебных заведений по всему западному миру и даже под «дремлющими шпильями» Оксфордского университета. Неподготовленные к серьезному обучению или неспособные усвоить орфографию и синтаксис чужого языка стараются по крайней мере приправлять свою речь идишскими выражениями. Пусть это не те поразительные словечки, которые во времена моего детства можно было услышать из уст стариков, они все же воспринимаются как довольно лихие, даже от *гоев*, даже в передачах на Би-би-си.

Было бы неверно видеть в этих явлениях возобновление интереса или приверженности к еврейской религии. Поверхностное схватывание этнических элементов означает в точности противоположное: еврейская идентичность без чрезмерно обременительных для многих усилий, применение стандартов современного потребительского общества к древ-

⁵ Sapoznik H. The Compleat Klezmer. New York: Tara Publications, 1987.

⁶ Прозвище людей, живущих в сельских горных районах США, и музыкального направления в стиле кантри. — Прим. пер.

⁷ Клезмер — традиционная музыка евреев Восточной Европы. — Прим. ред.

нему религиозному закону. Это не требует изменения повседневного стиля жизни, несовместимого с современным веком либеральных и эгалитарных понятий. (Конечно, вряд ли можно утверждать, что истово верующие хасиды в черных костюмах и фетровых шляпах, со свисающими поверх брюк белыми кисточками-*цицис*, или же хасиды, облаченные в старинные польско-еврейские одежды, не являются по-настоящему набожными.) Принятие языка предков, их нравов и обычаев евреями, не соблюдающими заповедей, служит социальным мостом. Оно имеет объединяющую силу и позволяет заключать браки между несопоставимыми секторами еврейской общины: ультраортодоксами, хасидами, консервативными, реформистскими и либеральными евреями, агностиками и атеистами еврейского происхождения и даже еврейскими неоязычниками, верящими в астрологию и трансцендентальную медитацию, или каббалистами-дилетантами, последователями средневековой еврейской мистической традиции. Теперь неожиданно оказывается, что быть евреем и быть идишским – это одно и то же. Мои родители удивились бы этому, хотя и не ужаснулись.

Nostalgie de la boue

На фоне оживления интереса к идишу возникла романтика *штетла* – местечка, в основном еврейского городка с рынком в Польше или России. На всех континентах молодые евреи в поисках этнической памяти старательно исследуют свои семейные корни и ищут сведения о местах, которые с облегчением покидали их прадеды и прапрапрадеды. Пожилых родственников преследуют расспросами о том, откуда эмигрировали их семьи, – и очень часто получают в ответ что-то вроде: «Это где-то под Минском (или под Вильно, или под Киевом, или под Краковом), не знаю, как называется». Профессор еврейской истории в Стэнфордском университете Стивен Зипперштейн рассказал типичную историю, которая приводится в газете «Стэнфорд ньюс» (22 мая 1996 года):

Когда дети или внуки спрашивали их об их родном *штетле*, старшие родственники отвечали, что Лохишн – деревня, где они родились, находилась не в России, а в Польше. Они говорили также, что деревня была уничтожена после отъезда их деда в 1919 или в 1920 году. «Вообразите мое удивление, – пишет в своей статье профессор Зипперштейн, – когда я взглянул на карту Белоруссии и увидел Лохишн недалеко от главного шоссе – маленький, трудно различимый на карте пункт, но вовсе не уничтоженный»⁸.

Тысячи веб-сайтов посвящены исследованию и сохранению памяти об исчезнувших общинах. В поисках своего еврейского наследия туристы толпами ходят по площадям местечек Белоруссии, Литвы, Польши, России и Украины, расспрашивая всех, кому больше шестидесяти лет, помнят ли они его предков. Подобно тому как лишь немногие успешные профессионалы из среднего класса могут устоять перед искушением занять хотя бы призрачные корни из рабочего класса, лишь немногие евреи готовы признать, что их предки относились к числу подавляющего большинства, жившего в больших городах в эпоху империй, и не имели никакого отношения к местечку-*штетлу*. Более того, они были бы оскорблены, если бы их заподозрили в связи с бедными деревнями, деревянными синагогами, покосившимися домишками и грязными дорогами. *Nostalgie de la boue* – называют это французы, тоска по грязи.

Передо мной лежит прелестное изделие Дэвида Группера и Дэвида Г. Клейна «Бумажный штетл: подробная модель восточноевропейского еврейского местечка» со страницами из картона для вырезания и сборки. Здесь можно найти все, что приходит на ум при слове *штетл*: синагога под соломенной крышей с закругленными сверху окнами, внутри нее виден Ковчег, в котором хранится с трудолюбием, каллиграфически написанный свиток Торы, над Ковчегом висит написанное древнееврейскими буквами наставление из Талмуда: «Знайте, перед Кем вы стоите»; у задней стены вход в *хедер* – еврейскую школу для детей. Все это нарисовано в красивом ксилографическом стиле. Рядом частный дом с соломенной крышей и деревянными рамами: фанерные стены с клапанами для склеивания, на стенах – окна со ставнями и дверь в сарай, к стене прислонены топор и двуручная пила. Поблизости – крохотная рыночная площадь с лавками, торгующими кошерной едой, колодец, несколько кур с цыплятами, коза и корова на привязи.

Персонажи, населяющие *штетл*, вполне ожидаемы. В синагоге у кафедры стоит бородастый строго нахмуренный ребе, его молитвенная шаль (*талес*) накинута на голову, палец обвинительно указывает на какое-то место в толстом томе. На возвышении, которое называется *бима*, стоит чтец, декламирующий по свитку текст Торы, следя за ним при помощи *яда* –

⁸ См. также: Zipperstein S.J. *Imagining Russian Jewry: Memory, History, Identity*. Seattle: Univ. of Washington Press, 1999.

серебряной указки в форме указующей руки. Ученый человек в толстых очках сидит на стуле с Талмудом на коленях. Три человека в талесах сидят на деревянной скамейке, изображая общину. У сидящего в центре голова склонена, возможно, он уснул. Снаружи на рыночной площади ожидает извозчик с лошадыю, единственный безбородый человек на все местечко. Может быть, это означает, что он нееврей. Другой человек толкает тачку, рядом – водонос с двумя большими ведрами, свисающими с огромного коромысла на плечах.

Вот оркестр клезмеров – скрипка, кларнет и аккордеон (изображены в неправильном порядке) – играет для молодых, стоящих под балдахином: жених улыбается про себя с самодовольным видом, невеста глядит на нас с сомнением, как бы не уверенная в своем решении. Есть даже Гимпель-дурачок (кажется, в каждом *штетле* был собственный сумасшедший): на лице застыла удивленная мина, на голове нечто, напоминающее феску, одна нога в сапоге поперек бедра другой ноги, своей кособокой позой он одновременно напоминает пляшущего казака и йога. Аннотация на задней стороне обложки описывает, как мы должны представлять себе атмосферу *штетла*:

В Доме учения мужчины изучают священные тексты, пока дети учатся читать в начальной школе, называемой хедер. Снаружи происходит свадьба под балдахином с танцорами и музыкантами. Мужчины и женщины заняты работой дома и в лавках, люди на площади торгуются, спорят и играют. В синагоге чтец поет по свитку Торы перед Святым Ковчегом. Семья сидит дома, наслаждаясь субботней трапезой⁹.

Не важно, что все эти действия никогда не могли происходить одновременно. Не важно, что молящихся в синагоге на четыре человека меньше необходимого кворума. Не важно, что вид *штетла* гораздо больше напоминает бродвейскую постановку Борисом Аронсоном «Скрипача на крыше», чем настоящее восточноевропейское местечко. Не новость, что возрожденные традиции чаще напоминают заново скроенную одежду, чем подлинно старинную. Точно так же, как шотландский народный костюм, военная музыка волынщиков и традиционная ткань-шотландка были созданием сэра Вальтера Скотта и британской армии времен королевы Виктории, образ восточноевропейского еврейского мира скорее принадлежит миру воображения, а не памяти, он происходит из благодушных фантазий, а не из прозаической реальности.

Евреи жили и процветали в Польше в течение столетий, около тысячи лет, если не дольше. Но почти все наши воспоминания об идишском мире относятся к последнему столетию, а известные нам образы связаны с его последними мгновениями. Идишский литературный ренессанс конца XIX века отразил агонию упадка. Рассказы Менделе, Переца и Шолом-Алейхема описывают обедневший, нищий, угнетаемый народ – это даже не бледное отражение некогда процветавшей и сильной нации, в свое время поставлявшей врачей, дипломатов, финансистов и даже учителей музыки для дворов европейских королей. Фотографии Романа Вишняка были сделаны в то время, когда за исключением Чехословакии все страны Восточной Европы находились под властью авторитарных правых, если не открыто фашистских правительств, когда национал-социализм был уже на марше и стремительно объединялся с извечной местной ненавистью к евреям, когда идишская нация уже разрушалась. Художественные достоинства его фотографий – в трогательной деликатности изображения последних вздохов умирающего мира.

Но идишская история должна быть большим, чем рассказ, пусть даже очень художественный, о ее трагических последних годах. Нельзя судить обо всей истории и культуре

⁹ Grupper D., Klein D.G. The Paper Shtetl, a Complete Model of an East European Jewish Town. New York: Schocken Books, 1984.

народа по тому, как он выглядел в конце, как нельзя говорить о жизни человека по его агонии в последней болезни. Славу Греции и величие Рима не умалят ни безумие братоубийственных войн, окончательно погубивших афинскую демократию, ни стагнация и коррупция, сопровождавшие последнее столетие упадка Рима. Почему тогда мы вспоминаем лишь последние десятилетия обращенного вспять, обнищавшего и ожесточившегося идишского мира?

Но где бы я ни расспрашивал о многовековой истории говоривших на идише евреев: в Польше, Литве, Белоруссии, на Украине, местные жители отвечали совсем как та учительница из Ракова, с сожалением пожимая плечами, что, в конце концов, история евреев не является частью истории этих народов. Они могли бы спокойно спросить, как тот музыкант у Генри Сапозника: «Что, у вашего народа нет собственной истории?»

Конечно, история у евреев есть. Она отражена в работах великих еврейских историков XIX и XX веков: Леопольда Йом-Това Липмана Цунца, Морица Штейншнейдера и Генриха Греца, Шимона Дубнова и Сало Барона, Сесилия Рота и Мартина Гилберта. Но неудивительно, что, может быть, за исключением сэра Мартина Гилберта, их книги не являются книгами для домашнего чтения, потому что большая часть их работ воспринимается как неизбежно депрессивная: это длинная сага о постоянных погромах, вводимых властями ограничительных законах, антиеврейских эдиктах Церкви, массовых убийствах, изгнаниях, пытках, сожжениях на кострах. Неужели в еврейской истории нет ничего, кроме этого?

В небольшой книге профессора средневековой истории Бернарда Бахраха «Евреи в варварской Европе», предназначенной для студентов младших курсов Университета Миннесоты, показано, что в течение двух тысяч лет страдания и преследования были доминирующими темами в описании еврейской истории. Автор называет это «теологией изгнания»:

...Те, кто описывал судьбу еврейского народа в Средние века и в начале современной эпохи, делали акцент на страданиях мучеников за веру. Они описывали ужасы и преувеличивали эпизоды погромов, насильственного крещения, экспроприаций и изгнаний. Эти трагические события стали каркасом для еврейского взгляда на историю Изгнания и служат свидетельством теологической интерпретации Изгнания как периода страданий и испытания для еврейского народа¹⁰.

Можно добавить, что те из нас, кто пережил Гитлера, не может не воспринимать историю как неизбежно движущуюся к *Шоа*, Холокосту, означавшему для народа, говорящего на идише, ужасный финал и разрушение. Такой взгляд на прошлое, как замечает Бахрах, привел еврейских ученых к неверным суждениям и оценке свидетельств о прошлом: две тысячи лет традиции затрудняют для ученых евреев и даже для профессиональных историков возможность преодолеть то, что он называет «слезливой интерпретацией еврейской истории».

Не будучи ни ученым евреем, ни профессиональным историком, я верю, что есть другая возможность изложения истории. Не исключительная возможность, потому что никакой рассказ не обладает монополией на истину, а один и тот же материал может дать пищу для множества рассказов; ни один из них не содержит всего в целости, но все они содержат нечто из почти гнетущего, смущающего изобилия фактов и предположений, свидетельств и догадок. Конструирование рассказа об истории можно сравнить с прокладыванием тропинки через лес: подобно тому как выбрать одну дорогу между деревьями из множества значит отвергнуть все остальные, так и рассказать одно значит оставить остальное нерассказанным.

В моем дальнейшем рассказе я постараюсь избежать подчеркивания страданий и угнетения евреев на протяжении столетий, столь подробно описанных другими. По возможности

¹⁰ Bachrach B.S. Jews in Barbarian Europe. Lawrence (Kansas): Coronado Press, 1977.

я буду избегать описывать преследования, обходить массовые убийства, оставлю в стороне Холокост: эти трагические события были исследованы другими, более квалифицированными авторами. (К слову, мой отец никогда не рассказывал о своем пребывании в концлагере Дахау, а мать никогда не рассказывала о заключении; моя собственная встреча с эсэсовцами произошла, когда я был еще в таком возрасте, что не мог осознавать происходящее.) Вместо этого я предпочитаю менее популярные, но более оптимистичные пути – те, что отмечают успехи и случайные моменты блеска идишской цивилизации, ее вклад в экономику Европы, общественную жизнь, религию и интеллектуальный прогресс.

Я предпочел писать об идишской цивилизации, отказавшись от черно-белого взгляда на отношения евреев и неевреев, на угнетение и выживание. Мой рассказ касается более тонкого соревнования внутри самого народа, говорящего на идише. Это игра напряжения и конфликтов между Востоком и Западом, между говорящими по-немецки и на славянских языках, между интеллектом и эмоциями, между ортодоксальностью и синкретизмом, между теми, кто идентифицировал себя как представителей еврейского народа, и теми, кто считал себя представителями еврейской веры среди другого народа, – борьба, в которой одна из сторон попеременно праздновала победу над другой, а победители проигрывали побежденным, пока соперники окончательно не были разделены судом истории; это длительная борьба, потребовавшая новой интерпретации того, что значит быть евреем.

Я описываю, как это состязание разыгрывалось на сцене Центральной и Восточной Европы в суе и толкотне, усиливавшихся при каждом кризисе и при любой возможности. Соперники боролись перед толпой зрителей-католиков, иногда похожих на футбольных фанатов-хулиганов, которые выбегают на поле, чтобы напасть на игроков.

Это рассказ о возникновении нового народа, зачатого в Римской империи, последовательно созревающего в утробе нескольких государств, рожденного в Центральной Европе и достигшего зрелости в государствах Восточной Европы. Идишская цивилизация была одной из основополагающих наций Европы, ее религия и образ жизни были настолько привлекательны для окружающих, что на протяжении столетий неисчислимое множество людей обращалось в ее веру. Это была цивилизация, которая, как писал историк Сесиль Рот, «оказала неизгладимое влияние на историю западного мира».

Евреи Рима

Место действия – римский Форум, старая рыночная площадь за пределами (собственно *forum* на латыни обозначает «снаружи») изначальной территории города, расположенный под одним из семи зеленых холмов, Палатином. И сегодня с него видны развалины императорских дворцов, торчащие из фундаментов, как разрушившиеся зубы. Вокруг – обломки колонн, разбитых бюстов, откопанные сто лет назад руины храмов, судебных зданий, ассамблей и других римских религиозных, административных и общественных зданий.

Когда я последний раз был в этом знаменитом месте и проходил положенный туристический маршрут, к своему удивлению, я неожиданно услышал еврейскую молитву. Повернувшись, я увидел перед аркой Тита группу длиннородых ортодоксальных евреев в черных костюмах, черных шляпах и молитвенных покрывалах на плечах. Тут же один за другим проходили возглавляемые женщиной-гидом японские туристы, старательно и вежливо разглядывая то, что им показывали.

Я был поражен контрастом между теплотой современной еврейской веры и холодной классической строгостью древнего памятника. Иудеи римских времен были бы изумлены северными европейскими повадками евреев нашего времени. Была своего рода ирония и в том, что мои единовверцы скорбели о событии, давшем начало их собственному народу. Ведь этот памятник запечатлел память о происхождении идишской нации, о дне, когда началась ее настоящая история, это был день конца древнего Иерусалима и его Храма, когда в 70 году нашей эры город был сожжен, а его жители покорены римской армией. Тогда прародители идишского народа – рассеянные по Римской империи евреи – неожиданно оказались сиротами и начали скитаться, не имея земли, в которую они могли бы вернуться, осужденные на то, чтобы последующие два тысячелетия быть меньшинством на чужой земле. Это был момент, когда образовалась истинная диаспора, и, к сожалению, это была та самая точка, на которой коллективная память народа неожиданно замолкает.

Описание того дня подробно изложено на Триумфальной арке Тита, которая мощно и основательно, как и сама власть римских императоров, возвышается над остатками Священной дороги (Via Sacra), проходящей через нагромождение остатков империи. Тронутый временем мрамор с пятнами от дыма на каждой стороне арки отражает сцены торжественного шествия, которое по решению римского сената произошло в июне 71 года в честь императора Веспасиана и его сорокалетнего сына Тита, с триумфом возвращавшихся с Ближнего Востока; процессия проходила по этой самой дороге. Барельеф вырезан глубже в центре панелей, чем у краев; фигуры шествующих повернуты к зрителю, чтобы он убедился: цель достигнута, Иерусалима, столицы евреев, более не существует.

Нетрудно представить себе раздирающий уши рев полумиллиона римлян, приветствующих главу процессии, облаченных в белые тоги магистратов и сенаторов, медленно и невинно бредущих вслед за ними быков-альбиносов, предназначенных для жертвоприношения рядом с храмом Юпитера Величайшего в конце Священной дороги. Затем следует целый флот кораблей, поставленных на колеса, – кораблей, которые перевезли победоносную армию через море. Вслед за ними несут военные трофеи: священный семисвечник¹¹ (двое носильщиков склонились под тяжестью груза), две серебряные трубы¹² и покрытый золотом стол для двенадцати хлебов приношения¹³.

¹¹ «И сделай светильник из золота чистого; чеканный должен быть сей светильник <...> Шесть ветвей должны выходить из боков его; три ветви светильника из одного бока его и три ветви светильника из другого бока его» (Исх. 25: 31–32).

¹² «Сделай себе две серебряные трубы <...> чтобы они служили тебе для созывания общества...» (Числ. 10: 2).

¹³ «И сделай стол из дерева шитим [акации] <...> и обложи его золотом чистым и сделай вокруг него золотой венец

Иосиф Флавий (настоящее имя Иосиф бен Маттитяху), римско-еврейский историк, перебежчик, вначале командовавший иудейскими войсками в Галилее, затем управлявший защитой крепости Иотапата, а в решающий момент перешедший на сторону римлян, оставил описание этого шествия, свидетельствующее о том, что он своими глазами наблюдал его. Он писал восторженно, как школьница:

Невозможно достойным образом описать разнообразие этих показывавшихся зрелищ и великолепие во всем <...>. Ибо почти все драгоценное и достойное удивления, что приобретали когда-нибудь зажиточные люди и что считалось таким отдельными лицами, – все в тот день было выставлено напоказ, чтобы дать понятие о величии Римского государства¹⁴.

Следом за трофеями, перед победителем-императором и его сыном-военачальником, увенчанными лавровыми венками и одетыми в одежды императорского пурпурного цвета, на посмешище толпе вели пленных. Самых важных из них несли на носилках, устроенных настолько сложно, что, как вспоминает Иосиф Флавий, зрители «боялись за безопасность тех, которые их носили. Многие из них имели по три, даже по четыре этажа».

Некоторые знатные люди, такие, как Иоханан бен Леви из Гискалы, одно время командовавший восставшим Иерусалимом, находились в деревянных клетках на колесах, трагедия их падения подчеркивалась тем, что на них были надеты их лучшие одежды. Иоханан должен был пожизненно содержаться в тюрьме. Шимон бар Гиора, которого римляне считали вождем восставших евреев, ковылял пешком, в оковах, с веревкой на шее, под конвоем конных легионеров, избивавших его плетью до самой площади перед величественным храмом Юпитера Капитолийского, где Шимона первым после пыток повесили в жертву богам, после чего «поднялось всеобщее ликование». Многие из тех, кто остался в живых, через отверстие в полу были брошены умирать в подземную камеру Карцер Туллианум под мрачным зданием римской тюрьмы из кирпича и бетона.

Жестокость наказания была обусловлена не религией, а сопротивлением восставших. Вероятно, среди огромной толпы, которая приветствовала шедшую по Священной дороге триумфальную процессию и аплодировала ей, было много экспатриантов из евреев. Римские евреи не выражали ни одобрения, ни поддержки антиимперскому восстанию Иерусалима. Они жили в столице империи на протяжении полутора столетий, а некоторые поселились здесь еще до того, как в 63 году до нашей эры, после римского вторжения в хасмонейский Израиль, полководец Помпей привез в Италию из Иудеи первую еврейскую общину.

К середине I века в Риме уже было много синагог. Это были роскошные здания – если судить по одной из них, в Остии – римском порту в устье Тибра, остатки которого сохранились до наших дней. Ранняя часть здания синагоги датируется временем Клавдия, правившего за два императора до Веспасиана. Лицом на юго-восток, то есть в сторону Иерусалима, обращены роскошные пропилеи, монументальные ворота с четырьмя изящными колоннами из белого мрамора, ведущие в вестибюль, который переходит в молитвенный зал со скамьями вдоль стен. Внутри зала находится апсидообразный кирпичный *арон*, или святилище, где хранятся священные свитки Торы, по-видимому сменивший деревянную конструкцию, подаренную, как гласит надпись, неким Миндусом Фаустусом («везучим» Миндусом), возможно, в знак своего успеха. Имелся также *триклиний* – зал для праздничных трапез со встроенными ложами. Позднее к зданию были добавлены кухня с красивым мозаичным полом и большой зал для учения.

<...> и полагай на стол хлебы предложения пред лицом Моим постоянно» (Исх. 25: 23–30).

¹⁴ Иосиф Флавий. Иудейская война, Книга 7, гл. V. М.: Гешарим, 1999. С. 395.

Персий, римский поэт-стоик, живший в I веке нашей эры, так описывал наступление субботы:

...Иродов день наступил, и на окнах стоящие сальных
Копотью жирной чадят светильники, что перевиты
Цепью фиалок; когда на глиняном плавает блюдо
Хвостик тунца и вином горшок наполняется белый...¹⁵

Многие кварталы города были неестественно тихими, когда евреи что-то «шептали про себя» и «бледнели – ради субботы» (как и многие римляне, Персий, вероятно, считал, что евреи по субботам постятся).

По будням Персий мог видеть многих представителей общины, ходивших по своим делам, на работу – в качестве актеров, кузнецов, мясников, купцов, музыкантов, маляров, художников, разносчиков, поэтов, певцов, портных и даже толкователей снов – как насмеялся сатирик Ювенал, «торгуют евреи бреднями всякого рода за самую низкую плату»¹⁶. Не были редкостью и евреи-нищие. Сесиль Рот пишет, что, «как и других нищих, их считали страшно назойливыми; а после установления христианства некоторые из них стали торговать иконами на ступенях церквей»¹⁷. Талмуд упоминает даже о евреях-гладиаторах; один из великих мудрецов Реш Лахиш в юности был разбойником, затем профессиональным борцом и выжил благодаря «смеси храбрости и хитрости». Подобно ему писавший по-гречески Цецилий из Калеакте, рожденный рабом, прославился как литературный критик и историк.

И конечно, было много торговцев, арендовавших места в огромном полукруглом торговом центре, построенном императором Траяном рядом с римской виа Бибератика (улицей Пьяниц¹⁸). Если бы мы отправились за покупками в первые столетия нашей эры, за прилавками под элегантными кирпичными входами в лавки мы увидели бы много евреев-римлян. Из документов известно, что мужчины обычно торговали птицей, одеждой, маслом, дровами, горшками, железными изделиями, вином и кошерным мясом, а женщины продавали шерсть и драгоценности, при этом по крайней мере одна из них торговала зеленью, а другая рыбой.

Это была отнюдь не маленькая этническая группа, каких много в сегодняшней Европе, но большая и важная часть населения. Иосиф Флавий в своих «Иудейских древностях» упоминает судебный процесс, в котором одной из сторон были 8000 римских евреев. Принимать участие в судебных слушаниях могли только мужчины – главы семейств, а это означает, что вместе с женами и тремя или четырьмя детьми эти 8000 мужчин (а это были только участники процесса) представляли от 40 000 до 50 000 человек. Учитывая, что население Рима оценивается примерно в полмиллиона человек¹⁹, эта община сравнима с довоенными еврейскими общинами XX века в таких городах, как Прага, Вена, Варшава или Будапешт (*Юда-Пест*, Еврейская чума²⁰, называли его антисемиты), где евреи составляли десятую часть населения или даже больше.

У римских евреев, разумеется, были свои взлеты и падения. Четыре года, с 37 до 41 года нашей эры, когда правил полубезумный император Калигула, были плохими – но такими они были для всех. Когда еврейские общины восстали против римских властей (и совершали

¹⁵ Сатира VII (пер. Ф.А. Петровского).

¹⁶ Сатира VI (пер. Д.С. Недовича).

¹⁷ Roth C. A Short History of the Jewish People. London: Macmillan, 1936.

¹⁸ Иногда название переводится более прозаично – от лат. *piper*, «перец».

¹⁹ Storey G.R. The Population of Ancient Rome // *Antiquity*. Vol. 71. 1997. P. 966–978.

²⁰ *Pest* – мор, чума (англ.). – Прим. пер.

порой акты ужасной жестокости по отношению к своим нееврейским соседям, например в Киренаике и на Кипре), все негодование римлян было направлено против них. Но в обычной обстановке до IV века, когда восторжествовало христианство, а нередко и после этого евреи пользовались репутацией представителей законопослушной религии и обладали особыми привилегиями – освобождением от военной службы, правом не являться в суд в субботу и (чаще всего, но не всегда) имели право не участвовать в отправлении культа императора как бога. Под властью Каракаллы (186–217 годы нашей эры), в целом порочного и кровожадного, но довольно благожелательного к евреям правителя, их положение еще улучшилось, когда они наряду со всеми свободными жителями империи получили полное римское гражданство.

Да, патриции, аристократы и образованные люди никогда не одобряли ни иудаизма, ни роста числа прозелитов – в том числе высокопоставленных, таких, как бывший консул Флавий Клеменс, близкий родственник императора, казненный за «неверие», то есть за то, что он не признавал римских богов. Большая часть высшего класса была согласна с философом Сенекой в его оценке влияния иудаизма («побежденные дали закон победителям») и с историком I века Тацитом, утверждавшим в своей «Истории» (кн. V, 5), что еврейская религия угрожала Риму, унижая его традиционную мораль. Другие латинские писатели осуждали еврейское религиозное легковерие: *credit Judaeus Apella* («пусть еврей Апелла верит этому») – латинский эквивалент поговорки «рассказывай это своей бабушке»; шутка основана на том, что на латыни *a pella* означает «без крайней плоти (*pellis*)». О непрестанном прозелитизме свидетельствует издевка Горация, обращенная к его друзьям-поэтам: «Нас много, и, подобно евреям, мы заставим вас присоединиться к своей шайке».

Между тем евреи, привезенные из Палестины, ценились как прекрасные рабы для работ вне дома, отличавшиеся сильной мускулатурой. Тацит в «Истории» писал, что их тела «здоровы и сильны, пригодны для переноски тяжестей» («*Corpora hominum salubria et ferentia laborum*»). О справедливости этого утверждения свидетельствует осуществленный Веспасианом грандиозный проект – постройка здания, призванного заменить воздвигнутый его одиозным предшественником Нероном эксцентричный Золотой дом и известного римлянам как амфитеатр Флавиев (назван по фамильному имени императора). Величественный Колизей был построен рабами-иудеями, взятыми в плен при падении Иерусалима. Это достижение евреев до сих пор является главным символом Рима как Вечного города.

Поскольку все дороги в то время вели к центру империи и к воплощению ее городской жизни, разумеется, все желавшие улучшить свое материальное положение или сделать карьеру направлялись к его ярким огням, к его хлебу и зрелищам – так же, как самые смелые и лучшие люди из всех провинций Австро-Венгерской империи стремились в роскошную Вену. Еврейское население в такой же пропорции можно было обнаружить в каждом городе огромной империи. Иосиф Флавий утверждал, что «нет народа в мире, среди которого не было бы наших людей». Размеры общины во времена Иосифа Флавия составляли примерно восемь миллионов человек; среди населения Рима, составлявшего приблизительно тридцать миллионов, возможно, каждый четвертый житель был евреем.

Не все они были пришельцами из Иудеи. Современные исследования показывают, что многие из них, а может быть, даже большинство следовавших Торе римских подданных не были чисто еврейского происхождения. Римский историк II–III веков. Дион Кассий был уверен, что вообще «всех соблюдающих еврейские законы можно называть евреями, из какого бы народа они ни происходили».

Экспансия иудаизма, вовлекавшего обращенных из других наций, началась уже в последние два века перед рождением Христа, когда хасмонеи правители активно распространяли еврейскую религию среди окружающих народов мечом и *измелем* – ножом для обрезания. Все больше амонитян, моавитян, а также соотечественников Ирода – эдомитян,

или идумеев, становились израильтянами, включаясь в число евреев. В более позднее время к обращению не принуждали насильно. Хотя сегодняшние ортодоксальные евреи не слишком одобряют переход в иудаизм, неевреи классического мира видели в иудаизме привлекательную и гостеприимную религию. Интеллектуалы с течением веков все меньше и меньше верили в старых языческих богов, руководствовавшихся чувственными побуждениями и свирепыми нравами. Почитание Торы и вера в пророчества Моисея привлекали все больше людей, которые, по словам историка Светония, «публично не объявляя о своей вере, жили как евреи».

В восточных провинциях империи греки-язычники, известные под греческим словом *себоменои* (по-гречески «почитатели (Бога)») или еврейским *йереим*, называемые в Талмуде «прозелитами ворот», тысячами стекались к синагогам – по слухам, их число доходило до миллионов. Так или иначе они отвергали богов, придерживались законов кашрута и соблюдали субботу. Ювенал выражал недовольство:

Выпал по жребью иным отец – почитатель субботы:
Лишь к облакам их молитвы идут и к небесному своду;
Так же запретна свинина для них, как и мясо людское²¹.

Требование обрезания было препятствием к полному обращению взрослых мужчин, но, ворчал сатирик, их сыновья могли стать евреями в самом настоящем, физическом смысле.

Согласно надписи, обнаруженной в анатолийском Афродисиасе, около половины тех, кто платил взнос на синагогу, были скорее почитателями единого Бога и их потомками, чем этническими евреями-иудеями. Многие *себоменои* продолжили почитать Бога в рамках секты, превратившейся в общину христиан, которая требовала от своих адептов лишь веры вместо болезненной операции. Однако уже после окончательного разрыва между Церковью и Синагогой раздавались жалобы отцов Церкви на то, что даже после того, как император Нерва в конце I века нашей эры освободил христиан от уплаты «еврейского налога» (*fiscus Judaicus*), движение в обратном направлении все еще продолжалось.

²¹ Сатира XIV (пер. Ф.А. Петровского).

Корзина да сено

Чтобы узнать больше о древней еврейской общине, спустимся в погребальные катакомбы, расположенные возле древних дорог, которые вели когда-то из города во всех направлениях. Часть волшебства современного Рима состоит в том, что многие из античных примет города хорошо сохранились вместе со своими названиями. Например, мы и сегодня можем прогуляться на запад по Портовой, или Остийской, дороге, которая приведет нас через Портовые ворота в стене города в прибрежную Остию – мимо забавляющего многие поколения археологов древнего объявления, запрещающего выцарапывать (*scariphare*) на стенах граффити. По Номентанской дороге мы можем поехать на северо-восток, минуя место, где раньше находились Коллинские ворота, мимо руин построенных Диоклетианом гигантских бань, занимающих площадь в 13 гектаров (столь огромных, что они могли вмещать одновременно до 3000 купающихся), мимо громадных преторианских казарм, символизировавших и осуществлявших личную власть императора.

Наверное, особенно стоит прогуляться по Старой Аппиевой дороге, первой и самой известной магистрали между городами, ведущей на юг, в Таранто и Бриндизи, по дороге, которую Гораций назвал царицей длинных дорог (*longarum regina viarum*), которая обесмертила имя цензора Аппия, начавшего ее строительство в 312 году до нашей эры. И сейчас, в XXI веке, можно погулять там, где некогда гулял поэт Ювенал, с внутренней стороны стены Сервия, снаружи которой собирались бездомные еврейские бедняки:

Друг мой, пока его скарб размещался в единой повозке,
Остановился у старых ворот отсыревшей Капены.
Здесь, где Нума бывал по ночам в общенье с подругой,
Ныне и роща святого ключа сдана иудеям,
И алтари: вся утварь у них – корзина да сено²².

Оставив за спиной широкий еврейский рабочий квартал с узкими тесными улочками, по обеим сторонам которых теснились *инсулы* – жилища бедноты, порой построенные из негодного материала и нередко обваливавшиеся, мы миновали бы двойной храм, посвященный божествам Славы и Добродетели, прошли бы под гигантскими сводами циклопической стены великолепных бань Каракаллы и под аркой Друза, под которую сливали воды из бань, и вышли бы через Аппиевы ворота, сейчас называющиеся воротами Сан-Себастьяно, находящиеся во внешней Аврелианской стене города.

Если бы мы выбрали этот путь в классические времена, то минут через двадцать ходьбы с удовольствием увидели бы поля и смогли бы вдохнуть свежий воздух – после зловонных хижин и кожевенных фабрик, цехов по производству клея, рыбных соусов, дубильных и других ремесленных цехов, которые запрещено было строить в пределах города. Здесь открывается романтический вид на расположенные вдали отроги Албанских холмов, на остатки потухшего вулкана (на его склонах римские буржуа строили – и строят до сих пор – свои летние резиденции); мы увидели бы дорогу, простирающуюся на многие километры, вдоль которой – могильные камни, надгробия и мавзолеи из гранита, мрамора и кирпича, украшенные фигурной штукатуркой либо раскрашенные белилами или красками. Это настоящий город мертвых, куда римляне приходили по ночам, чтобы при свете факелов похоронить своих близких.

²² Сатира III (пер. Д.С. Недовича).

Сразу за вторым столбом – указателем числа миль у края дороги мы увидим изящный каменный портик, вероятно некогда украшенный *менорой* – канделябром-семисвечником, главным еврейским символом с древних времен; позади портика ступени ведут вниз в Аппиевы катакомбы – подземный лабиринт туннелей, галерей и погребальных камер (*кубикул*), где поколения более бедных римских евреев, которые не могли позволить себе могилу на поверхности, погребались в стенных нишах (*локулах*).

Еврейские катакомбы теперь закрыты для посетителей, и как минимум одна их часть, сразу за Остийскими воротами, погибла вследствие оползня. Но из надписей на нескольких сотнях мраморных табличек над погребальными нишами, содержащих восхваления Бога, мы узнаем больше, чем могли бы ожидать, об общине, жившей здесь в первые четыре столетия нашей эры. Мы прочтем по крайней мере о дюжине синагог, из которых одни названы по своему местоположению (синагога общины Марсова поля, синагога общины Сабура), другие – в честь знаменитых личностей, почитаемых общиной (синагога Августанов, синагога Агриппанов), третьи – в честь неизвестных, возможно, их основателей (синагога Волумниуса, синагога Элиаса), еще одна группа синагог названа по месту происхождения общины (синагога Евреев, синагога Триполитанцев).

Каждую синагогу возглавляли *геросиарх* – управляющий старшина (который мог быть *иереем*, членом касты когенов) и совет управляющих-*архонов*, которым помогали старшины-*пресвитеры*, писцы-*грамматеи* и хранители-*фронисты*. Те, кого называли *патер* (отец) или *матер* (мать) синагоги, вероятно, были щедрыми жертвователями. Одна из надписей гласит: «Ветурия Паула, ушедшая в свой вечный дом, жившая 86 лет и 6 месяцев. Прозелит в течение 16 лет, [еврейское имя] Сара, мать синагог Марсова поля и Волумниуса. Покойся в мире».

Многие надписи, титулы и памятные посвящения сделаны не на латыни, а по-гречески – иногда латинскими буквами, нередко с ошибками. Большинство имен (например, Евтих или Евангелос) скорее греческие, чем латинские. Из 534 имен, известных по надписям в катакомбах, 405 греческих, 123 латинских и только 5 древнееврейских или арамейских. Более того, распределение имен позволяет предположить, что существовали отдельные синагоги для говоривших на латыни, греческом или древнееврейском – так же как и общины были разделены по языковому признаку: между консервативными евреями, молившимися на древнееврейском, и другими, обращавшимися к Богу на двух национальных языках.

Это приводит к выводу, что римские евреи были разделены по своей культурной ориентации и что раскол между восточными и западными евреями восходит еще к классическим временам. В этом отношении евреи не отличались от прочих римлян. Греческий был языком общения для большей части населения восточной части империи. Образованный класс был по большей части двуязычным. Для увеличения числа читателей авторы должны были писать по-гречески. Первые сочинения по истории, написанные римлянами, например утраченные анналы патриция Фабия Пиктора, были написаны на греческом языке. Здесь было скрыто противоречие. Римляне победили греков силой оружия, но греки превзошли римлян силой интеллекта. Рим заимствовал добрую половину своей культуры у побежденного народа, и чаще всего на улицах Рима можно было услышать греческую, а не латинскую речь. Иначе быть и не могло, ведь многие римляне из высшего и среднего классов воспитывались и обучались греческими рабами и вольноотпущенниками. В результате у римлян возникло амбивалентное отношение к их восточным братьям. Греческий образ жизни был привлекателен и соблазнителен, но всё же это был образ жизни побежденной и поработанной нации.

Недоверие и нелюбовь бывают взаимными. Позиция греков и евреев по отношению к их богатым и всемогущим римским правителям, возможно, сродни сегодняшнему отношению части народов мира к американским властям. Раввины писали в Мишне:

Рабби Иегуда сказал [о римлянах]: «Как прекрасны деяния этого народа: они строят рынки, они строят мосты, они строят бани».

Раздраженный Шимон бен Йохай ответил: «Что бы они ни строили, они строят для себя: строят рынки, чтобы содержать там шлюх, бани, чтобы там наслаждаться, и мосты, чтобы взимать плату» (трактат «Шабат», 33b)²³.

Культурное и языковое напряжение делало империю хрупкой, два ее крыла начинали колебаться в разном темпе. Провинции уже раскололись на латинскую и греческую части – это случилось во время гражданской войны, последовавшей за убийством Юлия Цезаря. Новому императору Августу понадобилось применить силу и жесткость, чтобы снова соединить две части воедино. На протяжении почти трехсот лет запад был достаточно силен, чтобы не допускать разрыва, но вскоре он стал неизбежен.

На противоположном от Форума и арки Тита конце Священной дороги, недалеко от арки Септима Севера стоит с виду хорошо сохранившееся скромное здание из красного кирпича с центральным входом, тремя окнами на верхнем этаже, под высокой крышей с фронтоном. Контраст с соседними грандиозными и впечатляющими имперскими зданиями значителен. Это Курия, место заседаний Сената – высшего правящего института Римской республики. Построенная по велению Юлия Цезаря в 52 году до нашей эры, она сгорела в великом пожаре при Нероне, восстановлена во время правления Домициана – брата и наследника Тита, снова сгорела и снова восстановлена в III веке, во время правления Диоклетиана. Здание выглядит так хорошо, потому что было совсем недавно отреставрировано с использованием исходного материала предполагавшимся наследником императорского пурпура – Бенито Муссолини.

Если сравнивать с Вестминстерским дворцом в Лондоне или с вашингтонским Капитолием, это довольно небольшое сооружение. Некогда к нему примыкала небольшая пристройка под названием *секретариум*, открытая в 303 году, но давно утраченная. Из этого зала с минимумом мебели управлялась гигантская империя, настолько обширная, что ее поэты слагали стихи о разных пейзажах – о снежных холмах британской Нортумбрии и о дымящихся водопадах на Ниле в Египте, о побитых штормами скалах Рабата на атлантическом побережье Марокко и о далекой Колхиде на берегах Черного моря, в которой Ясон с аргонавтами искали золотое руно. Говорят, кому-то из динозавров требовалось два мозга – один в голове, другой в хвосте, так и здесь одного центра власти не хватало, чтобы контролировать политику столь огромной империи.

Географическое положение Рима являло собой проблему, поскольку он был расположен скорее на периферии, чем в центре имперских территорий. Конечно, история и традиции обусловили особое место Вечного города в сердцах римлян, но практическая политика требовала нового центра, ближе к центру тяжести на востоке. Первому христианскому императору Константину выпала доля основать новый Рим и дать ему свое имя – Константинополь, Город Константина. Император выбрал для него место там, где некогда находился древний город Бизантиум, посвященный богине Луны, символ которой, полумесяц, был заимствован османскими турками и перешел к исламу. Официальная церемония основания города была проведена 11 мая 330 года христианской эры.

Перенос столицы лишь подчеркнул вечное культурное противостояние между латинским и греческим началами. Последствия не заставили себя ждать. За 35 лет империя разделилась надвое – вдоль той же границы, которая отделяла владения Марка Антония от владений Августа во время гражданской войны более трехсот лет назад. Два императора, Валентиниан и его брат Валент, были по отдельности возведены на трон. В своей книге «Упадок и разрушение Римской империи» (конец XVIII века) Эдвард Гиббон пишет:

²³ За это замечание Шимон бен Йохай был приговорен к смерти, он был вынужден бежать и 12 лет скрываться в пещере.

В замке или дворце Медиана, всего в трех милях от Наиссуса [ныне Ниш в Сербии] они торжественно и окончательно разделили Римскую империю. Валентиниан подарил брату богатые восточные префектуры от Нижнего Данубиуса (Дуная) до границ Персии, оставив за собой вооруженные префектуры Иллирии, Италии и Галлии, от границ Греции до Каледонского крепостного вала и от крепостей Каледонии до подножия горы Атлас.

Линия раздела проходила почти там же, где спустя полторы тысячи лет была прочерчена линия, разделявшая капиталистическую и коммунистическую части континента.

С разделом империи жившие в ней евреи пошли по разным дорогам. Пока западный и восточный секторы мирно сосуществовали, взаимодействие и взаимообмен между двумя частями страны оставались возможными. Но очень скоро западным провинциям стали угрожать германские племена варваров, напиравшие на их границы и все чаще прорывавшиеся внутрь. Теперь падение западной части стремительно ускорилося. Спустя 80 лет после основания нового Рима северная провинция Британия была потеряна, и случилось немыслимое: Рим был осажден вестготами, которых возглавлял вождь Аларих, и впервые за 800 лет Рим был захвачен врагом. Прошло еще 45 лет, и Рим был снова захвачен, на этот раз вандалами Германика – и сокровища Иерусалимского Храма, бережно хранившиеся как трофеи в храме Юпитера Капитолийского, были увезены в Африку, после чего их никто никогда не видел. Через 21 год, в 476 году, последний западный император, подросток Ромул Августул был смещен германским полководцем Одоакром. Еще через 17 лет новое королевство было в свою очередь захвачено остготом Теодорихом, а Одоакр был убит на пиру. Таким образом, через 163 года после основания нового Рима в Константинополе старый Рим стал достоянием истории.

Это означало полный раскол римско-еврейского мира. Теперь две географически разобщенные ветви еврейской судьбы будут развивать различные версии еврейского образа жизни. Два различных характера будут коваться под молотами двух различных историй, пока через несколько столетий они не сойдутся в Центральной Европе.

От Средиземного моря до Балтийского

Древнегреческий город Милет расположен в Анатолии, в дельте реки Меандр, некогда впадавшей в Средиземное море через извилистое русло, сейчас заросшее илом. На мысу между большим зданием городского управления и *нимфеумом* – огромным водным храмом, использовавшимся также как зал для свадеб (а позднее как бордель), – некогда стоял величественный трехэтажный, высотой в 15 метров портал из белого мрамора, через который можно было выйти на южную рыночную площадь; теперь он находится в Берлинском музее. Если бы вы в первые столетия нашей эры прошли мимо парикмахера Финеаса, который усердно трудился под вырезанным на камне объявлением, резервирующим за ним это место, и миновали один из трех арочных входов, окруженных 24 коринфскими колоннами, вы оказались бы на гигантской *агоре* – самой большой рыночной площади в греческом мире, размером в три футбольных поля или 20 городских кварталов, где располагались склады, мастерские и около сотни лавок. Это явный знак экономического процветания самого важного эллинистического города в Малой Азии, получавшего товары и доходы из колоний, основанных вокруг Эгейского, Мраморного и Черного морей, включая Абидос, Кизик, Синоп, Ольвию и Пантикапей.

В то время как империя итальянских латинян была основана на военных захватах, греческой империи начало дало владычество на море. Средиземноморское побережье Турции, где некогда располагались Иония, Эолия и Киликия, ныне любимое место отдыха для тех, кто ищет солнца, моря, песка и секса, усыпано поблекшими мраморными обломками разрушенных греческих городов. Они напоминают о классических временах, когда эллины населяли гораздо более широкие пространства, чем сегодняшняя Греция, а большинство обитаемых территорий были с точки зрения географии скорее азиатскими и североафриканскими, чем европейскими. Главными частями Восточной Римской империи были современные территории Грузии, Армении, Турции, Сирии, Ливана, Иордании, Израиля, Египта, Ливии и Туниса.

Азиатская часть восточных провинций римского мира придавала совершенно особенный привкус образу мыслей, поведению, культуре и религии восточной половины империи, сделав ее радикально отличающейся от западной. Уникальность отразилась даже на стиле милетских ворот с элегантными резными конусообразными колоннами, изящными антаблементами и грациозными портиками. Латинская архитектура отличалась тяжестью, бесстрастностью и основательностью, словно символизировавшими беспощадное господство Рима над своими окраинами и провинциями. Архитектура восточных провинций легче, воздушнее, она будто отражает более гармоничные, мягкие и равные отношения империи с ее аванпостами и соседями. Латиняне управляли при помощи грубой силы. Грекам пришлось научиться быть умнее и осторожнее. Прежде чем оказаться частью почти не вмешивавшейся в их внутренние дела Римской империи, греческие аванпосты в Анатолии наподобие Милета пережили длительное правление персидских и селевкидских самодержцев, тяжелую руку которых можно было отвести лишь благодаря греческой хитрости.

Этот говорящий по-гречески мир стал домом для миллионов римских евреев. О важной роли их общины в Милете свидетельствует центральное расположение главной городской синагоги, непосредственно между старым портом и общественным центром, а также то, что целой секции римского театра, согласно надписи, была отведена роль «места евреев, именуемых боящимися Верховного Бога»²⁴. Вероятно, имелись и другие синагоги, потому что здание милетской синагоги занимало около 18 метров в длину и 11 в ширину. Сравним

²⁴ Phoboumenoi ton Theon Hupsiston (греч.).

это с гигантским молитвенным залом, расположенным на главной улице в соседнем городе Сарды, позади ряда лавок (бывших собственностью старейшин синагоги Якова, Саббатюса, Самуэля и Феоктиста), – зал длиной 120 метров и шириной 18 метров был богато украшен мозаиками, мрамором и статуями и мог вместить тысячу молящихся.

Евреи Восточной Римской империи составляли значительное число в ее населении, в среднем около десятой части. Евреи чаще жили в городах, чем в сельской местности. Можно представить, что на востоке Римской империи, как и в Риме, в городах имелось значительное иудейское население, иногда приближавшееся по численности к населению Вильно или Одессы 1920-х годов, более чем на треть еврейскому. Цифры – это, конечно, далеко не все, но, поскольку иудаизм представлялся окружающему населению приемлемой, хотя и не всякому подходящей верой, это была ситуация, исторически довольно редкая вплоть до XX века на западе Европы. Можно с уверенностью говорить, что восточноримский мир был не понаслышке знаком с еврейскими идеями или выражениями; слова «кошерный», «хуцпа»²⁵ или «мазаль тов»²⁶ так же часто слышались здесь, как и в сегодняшних Британии или США.

Конечно, здесь преобладала греческая форма иудаизма. Молитвы читались по-гречески, как и книги Библии, а иногда и Мишны – Устного Закона древних мудрецов. И сегодня, спустя почти две тысячи лет, единственными нееврейскими по происхождению именами, по которым верующих вызывают в синагоге к чтению Торы, являются греческие: «Калонимос» (буквально «доброе имя»), гебраизированное в форме «Калман», и «Александр», идишизированное в форме «Сендер», – эти имена остаются популярными и среди говорящих на идише. Действительно, эллинистическое влияние на еврейский народ оказалось столь сильным, что некоторые обряды греческих, а позднее византийских романиотов²⁷ дожили до XX века. Последняя греческая (*Грегос*) синагога в Эдирне (ранее Адрианополь – «город Адриана») сгорела в 1905 году.

Использование греческого языка в богослужении указывает на предков молящихся. Многие, а может быть, и большинство евреев Восточной Римской империи были прозелитами или их потомками. В отличие от гораздо более прагматичных латинян, греки давно с уважением относились к философии и были подготовлены принять новые для них еврейские духовные и этические идеи. Наиболее элегантно это явление охарактеризовал в своей статье для Еврейской энциклопедии профессор Ричард Готейл из Колумбийского университета:

Теологическая чистота и простота заворожали высоколобых; таинственность и своеобразие обычаев, почитание субботнего отдыха, привилегии со стороны властей привлекали к еврейской вере тех, кто был настроен скорее материалистически. <...> В общем и целом это была существенно более гибкая, хотя и внешне жесткая религия – для тех, кто умел быть одновременно властным и либеральным, идеалистом и материалистом, обладал философией сильных, суевериями слабых и надеждой на спасение для всех.

Обращение в иудаизм продолжало быть обычным явлением с языческих времен; этот факт подтверждается не только надписями из разных частей греческого мира, но и неоднократными попытками Церкви и дворца предотвратить его. Регулярно обнародовались декреты, запрещавшие переход в иудаизм и угрожавшие наказанием как обращенному, так и обращающему, – в среднем каждые 15 или 25 лет в течение почти десяти столетий, после

²⁵ Наглость. – *Прим. ред.*

²⁶ Поздравительная формула. – *Прим. ред.*

²⁷ Субэтническая группа евреев, имеют отличительные особенности в свадебном обряде. – *Прим. ред.*

того как вера в Иисуса Христа стала государственной религией. Авторитетный еврейский историк Сало Барон делает следующий вывод:

Чем дальше та или иная страна от Палестины, тем менее чистыми в расовом и этническом отношении были ее еврейские жители. Можно предположить, что большая часть сирийского еврейства и, вероятно, еще большая часть евреев Малой Азии, островов Восточного Средиземноморья и Балкан состояла из бывших прозелитов и их потомков²⁸.

Барон не говорит об общинах, образованных после I века нашей эры в греческих колониях Северного Причерноморья, – об аванпостах, расположенных на территории, впоследствии ставшей колыбелью украинской и русской идишской общины и вошедшей в черту оседлости. Расположенные как можно дальше от центра власти, эти общины были единственным местом, свободным от имперского давления на язычников и христиан с целью остановить переход в иудаизм, а еще больше – на евреев, которых верховная власть пыталась вынудить не плодить более прозелитов, оставить свою веру и признать превосходство христианства.

Когда христианство было провозглашено государственной религией империи, положение евреев и «боящихся Бога» существенно изменилось. Началась борьба двух монотеистических систем за одну и ту же группу потенциальных адептов. И если иудаизм находил приверженцев среди простолюдинов, то христианство, религия императоров, обладало властью. Перенос столицы из Рима в Константинополь привил латинское мировоззрение и идеи к сердцу греческого мира. В то время как для греков религия была в основном делом личного духовного выбора, и они мало интересовались не касающимися веры пристрастиями человека, для латинян религиозная принадлежность была знаком политики и патриотизма. Они рассматривали евреев как членов подозрительной диссидентской секты.

Первой целью новых христианских правителей и их религиозных наставников было оторвать «боящихся Бога» от синагоги и повернуть их в сторону Церкви. Новый Завет уже различает эллинов и израильтян, обращенных греков и этнических евреев: «В эти дни, когда умножились ученики, произошел у Еллинистов [*Hellenistai*] ропот на Евреев [*Hebraioi*]]» (Деян. 6: 1). Быстрый рост христианства на Востоке, а также успешное присоединение большого числа необрезанных полуобособленных членов синагоги привели к тому, что еврейская секта почитателей Иисуса в достаточно скором времени стала отдельной и враждебной по отношению к иудеям христианской верой. Следующим объектом для обращения в христианство были урожденные евреи из Константинополя, Адрианополя и Александрии, которых насчитывалось несколько миллионов. На тех, кто отказывался подчиниться новой политической и религиозной реальности, были наложены еще большие юридические санкции.

В IV веке император Константин, еще до своего формального принятия христианства на смертном одре, критиковал «опасную» еврейскую религию и под страхом смерти требовал от еврейской общины не препятствовать обращению своих членов в христианство. Его сын Констанций запретил браки между членами религий-сестер. Кодекс Феодосия (V век) запрещал строительство новых синагог и позволял ремонт уже существующих, лишь если их состояние несло опасность для людей. В VI веке император Юстиниан, воздвигший великий собор Святой Софии в Константинополе, предпринял попытку вмешаться в синагогальную службу – а именно запретить использование Мишны при комментировании Торы и предпри-

²⁸ *Baron S.W. A Social and Religious History of the Jews. New York: Columbia Univ. Press, 1976.*

сать, каким переводом следует пользоваться, а также навсегда сделал иудаизм нелегальным на североафриканских территориях империи.

Положение не улучшилось и после того, как большая часть греческого полуострова была захвачена варварами, а последняя из монотеистических систем – ислам – оторвала Египет, североафриканские провинции и Ближний Восток от владений империи. В 632 году, в год смерти пророка Мухаммеда император Гераклий приказал всей еврейской общине обратиться в христианство – но они не подчинились. В 721 году Лев III приказал всем евреям креститься – но они не стали. В IX веке Василий I издал очередной указ о насильственном обращении – и это не сработало. В X веке Роман I снова издал указ об обращении – несмотря на серьезные преследования, он был проигнорирован. Но постоянные нападки привели к тому, что евреи Центральной Греции стали переселяться на окраины, где они еще могли пользоваться достижениями греческой цивилизации, где уже существовали еврейские общины, но где рука христианских императоров из Константинополя не могла до них дотянуться. Именно таким убежищем стали отдаленные колонии, которыми, как жемчужинами, было унизано Северное Причерноморье, включая богатый и плодородный Крымский полуостров, который находился под нехристианской властью до тех пор, пока Екатерина Великая не присоединила его к России в 1783 году.

Крым как будто приколот с правой стороны к южнорусскому берегу, почти, но не полностью отрезанный от него тем, что греки называли Меотийским озером, а мы – Азовским морем. В прибрежных южных городах греческие колонисты (многие из них были евреями или «боящимися Бога» греками) занимались торговлей с кочевниками-варварами еще в эпоху эллинизма.

Сегодня вряд ли что-то осталось от того, что некогда было процветающим и богатым обществом. Ветры насквозь продувают километры плоских равнин, поросших травой и кустарником, среди мрачного ландшафта выделяются лишь редкие могилы кочевников. То тут, то там из темной земли выступают валуны, археологические раскопки обнажили здесь булыжные мостовые и основания стен. На вершине одного из холмов находятся руины города, где здания прилеплены к скалам, как ласточкины гнезда, это место носит татарское название Чуфут-Кале (буквально «Еврейская крепость»). На дорогах еще видны колеи, оставленные множеством колес с железными ободьями, – воспоминание о торговой суете, некогда делавшей крымское побережье столь оживленным. Русские археологи, как кроты, раскопали руины некогда процветавших приморских колониальных городов-государств, оставив для нас свидетельства (иногда к своему огорчению) того, что евреи служили в войсках, были организованы в общины со своими синагогами, образовывали религиозные общества (*thiasoi*) и не оставляли усилий повернуть язычников к единому Богу и заветам Торы. Вот типичная греческая надпись, найденная в Пантикапее на территории нынешней Керчи:

В год 377, в двенадцатый день месяца перития я, Хреста <...> объявляю, что мой воспитанник [то есть освобожденный раб] Геракл свободен <...> и может путешествовать где пожелает. <...> Однако он не может оставить страх перед небесами и свою принадлежность к синагоге <...> под наблюдением еврейской общины²⁹.

Согласно заметке доктора Уриэля Раппапорта (Университет Хайфы) в «Encyclopaedia Judaica», евреи оказали заметное влияние на нееврейские круги, которые переняли еврейские символы, в том числе *тетраграмматон* – четыре еврейские буквы, составляющие имя

²⁹ С.М. Дубнов. История евреев в Европе. Т. 1. М.; Иеру са лим: Гешарим, 2003. С. 66–67.

Бога, которые обнаруживаются в надписях, в остальных отношениях совершенно языческих.

Греки и евреи не были чужими друг для друга, на протяжении столетий они жили вместе. Но здесь, в Крыму и на берегах Черного моря, евреи впервые столкнулись с совершенно отличным от них, неизвестным им прежде типом народа, кочевниками – неграмотными, не имеющими письменной истории или интеллектуально развитой религиозно-мифологической системы. Греки называли их варварами из-за их непонятного языка (звучавшего для греческого уха как «бар-бар-бар»), но парадоксальным образом эти люди оказали самое значительное влияние на возникновение идишского народа.

Продолжение степи, Крым был своеобразным резервуаром, который волна за волной заполняли конные кочевники, двигавшиеся по огромной поросшей травами равнине – узкой, оканчивающейся тупиком долине между изгибом Карпат и западным побережьем Черного моря, которая по-венгерски называется *пушта*. Скифы, сарматы, готы, гунны, аланы, авары, болгары, хазары и мадьяры – все они во время своих героических переходов делали поворот перед входом в Крым: одни, как болгары или мадьяры, создали государства, которые существуют до наших дней; другие, как гунны или авары, канули в Лету.

На протяжении почти шестисот лет, примерно с 400 года до нашей эры скифы контролировали большие области западных степей, от нынешних границ с Ираном до Южной России, и даже часть североевропейской равнины. Центром их власти был крымский Неаполис («Новый город»), современный Симферополь. Скифы оставили свое имя в названии целого региона – Скифии и живших там людей. Даже в Средние века слово *скифы* могло означать всех обитателей восточноевропейских степей – как кочевников, так и оседлых жителей. В стороне от причерноморских городов-государств скифы соседствовали с греческими и еврейскими колонистами, с которыми они вместе упоминаются в послании апостола Павла: «...где нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного...» (Колос. 3: 11). Скифы, изначально воины-всадники, разделили поля, стали разводить скот и выращивать зерно, чтобы возить его через море в густонаселенные города Восточной Римской империи, дав начало торговле зерном, кормившей большую часть Европы на протяжении почти двух тысячелетий, а позднее ставшей почти полностью идишской монополией. Скифы из высшего класса, привлеченные цивилизацией, сочетались браком со своими греческими партнерами по торговле, смешивались с евреями и «боящимися Бога». Об этом постоянно заставляет помнить то обстоятельство, что название скифов (на иврите *ашкеназим*) ныне применяется ко всем европейским евреям³⁰.

³⁰ Современные европейские евреи определяют себя либо как *ашкеназим*, первоначально жившие в Ашкеназ (Германии), либо как *сефардим*, обитавшие – до изгнания в 1492 году в Сфарад (Испании). Название Сфарад используется в библейской книге пророка Овадьи (Авдея) и первоначально обозначало территорию вокруг Сард – столицы малоазиатской Лидии. В первые столетия христианской эры это название применялось к другим поселениям, например к греческим колониям Северного Причерноморья, основанным выходцами из Лидии, Иберии оно было присвоено только после ее завоевания мусульманами. Имя Ашкеназ в Библии относится к сыну Гомера, внуку Ноя: «Вот родословие сынов Ноевых: Сима, Хама и Иафета. <...>. Сыны Иафета: Гомер, Магог, Мадай, Иаван, Фувал, Мешех и Фирас. Сыны Гомера: Аскеназ, Рифат и Фогарма» (Быт. 10: 1–3). Царство Ашкеназа было среди прочих призвано Богом вооружиться против Вавилона: «Созовите на него царства Араратские, Минийские и Аскеназские» (Иер. 51: 27). Достоверное объяснение, почему название Ашкеназ с XII века применялось к Германии и к ее евреям, отсутствует. Однако согласно последним лингвистическим и историческим исследованиям, под библейским Гомером подразумевались киммерийцы – кочевое ираноязычное племя, некогда контролировавшее западную периферию евразийских степей, рассеянное около 500 года до нашей эры и, возможно, оставившее свое имя в названии Крым. Они были изгнаны или ассимилированы родственными племенами или преемниками – отсюда «сыны Гомера» – скифы, также ираноязычный народ. Первоначально в семитских языках они назывались *a-Shkuz*, но это слово было ошибочно прочтено или неверно записано писцом как *a-Shkenaz*, потому что еврейские буквы «у» (י) и «н» (נ) выглядят похоже. Так появилось אשכנז вместо אשכנז. Ассирийские и другие древние тексты того времени позволяют предположить, что имена царств у Иеремии (Арарат, Мини и Ашкеназ) соответствовали Урарту (на территории нынешнего Курдистана), Армении и Сирии, но значения их названий были со временем забыты. Неизвестно, где и когда в течение

Скифы были лишь первыми среди многих народов, господствовавших на восточноевропейских степях, с которыми евреи должны были находить общий язык. В первом раунде игры сил в степи скифы были оттеснены на запад, чтобы пропустить сарматов – других ираноязычных кочевников. К этому времени относится первое реальное свидетельство иудейского влияния. В документе X века из Константинополя, обнаруженном ученым Соломоном Шехтером в старой каирской синагоге, в тайнике-*генизе*, и известном как «письмо Шехтера»³¹, упоминаются аланы – народ сарматской племенной группы, одна часть которого бурей пронеслась по Европе через долину Рейна по территориям современных Франции, Испании и Португалии, основав долго существовавшие поселения (например, Алансон), тогда как другая часть пробилась на юг вплоть до Кавказа, пустив корни и став предками современных осетин. «Некоторые из них, – говорится в “письме Шехтера”, – соблюдают еврейские законы».

Сарматов, в свою очередь, сменили готы – уже германский, а не иранский народ. Но перемена власти мало что изменила, потому что готы быстро усвоили методы сарматов, в том числе, по-видимому, связи с иудаизмом. Надпись на могильном камне, найденном в Парте-ните – главном прибрежном городе крымских готов, содержит имя «Герефридил ха-Коген», соединяющее германское личное имя с титулом наследственных еврейских священников.

Положение о том, что существовали евреи-аланы и евреи-готы, является первым указанием на процесс, отраженный лишь немногими источниками. К IV веку иудаизм стал распространяться от прибрежных черноморских анклавов и перемещаться внутрь, в дикие и неразвитые территории на восток от Центральной Европы. Теперь, когда не отмеченные на картах земли переходили под контроль народов, с которыми евреи были знакомы и рядом с которыми они чувствовали себя свободно, у них пропало желание привязывать себя к побережью, они стали заинтересованы в том, чтобы принести знания, ремесла и торговлю в примитивные общества. Еврейские предприниматели открыли новую северо-западную границу.

Центробежное движение набирало скорость под влиянием великой семьи племен, появившейся на восточном горизонте в облаке пыли и дожде стрел. Составляющие ее народы приходили через каждые несколько поколений с начала V века, и так продолжалось почти тысячу лет. Это были народы с совершенно разной историей, тюркского и монгольского происхождения, выросшие и окрепшие в холодных, сухих горных степях за Алтаем. В следующем тысячелетии разные завоеватели одни за другими рассекали на конях по восточноевропейской степи, часто располагая центр своей власти в крайней западной части Евразийской степи, на Большой Венгерской равнине.

Вначале греко-иудейские колонисты Причерноморья приветствовали их с той же бессознательной снисходительностью, с которой через много столетий бесстрашный еврей-путешественник Бенъямин из Туделы смотрел в Центральной Азии на тюрок-огузов (предков туркмен, сельджуков и турок-османов), которые «обожают ветер и живут в дикости, не едят хлеб и не пьют вино, а питаются сырым мясом. У них нет носов, на их месте расположены две маленькие дырочки, через которые они дышат. Они едят как чистых, так и нечистых животных, и они очень дружелюбно относятся к евреям»³².

Первыми, кто явился с востока в IV веке, были гунны. Их правление продолжалось около 80 лет. Затем гуннов сменили авары, через столетие аваров сменили булгары. В VII веке хазары вытеснили булгар на север, к Волге, и на запад, к бассейну Дуная; в IX веке

первого тысячелетия христианской эры восточноевропейские евреи стали называть себя древнееврейским именем своих скифских соседей по черноморским степям, но с тех пор их именем слово стало *ашкенази* – «скифские евреи», ассоциировавшиеся с той частью Восточной Европы, которую античные и средневековые географы именовали Скифией, словно признавая важную роль степных кочевников в рассеянии евреев по восточной части европейского субконтинента.

³¹ Также «Кембриджский документ». – *Прим. ред.*

³² Три еврейских путешественника. М.; Иерусалим: Гешарим, 2004. С. 161.

мадьяры отодвинули болгар на юг и расположили свои лагеря на Венгерской равнине, но вскоре сами стали подданными османских турок, занимавших значительную часть этой территории до своего провала осады Вены в 1683 году.

Памятники, которые оставили эти пришельцы, свидетельствуют, что они были так же толерантны к носителям еврейской религии, как и их предшественники. Очевидным следствием было возвращение от эллинизма и греческих обычаев к еврейскому образу жизни. В надписях на могилах перестают писать по-гречески и возвращаются к изображению символов иудаизма как знаков религиозной принадлежности – *меноры* (подсвечника), *шофара* (рога буйвола), *лулава* и *этрога* (пальмовой ветви и плода цитруса – символов Суккота, праздника Кушей). Более того, гунны так же часто обращались в иудаизм, как и другие варвары-язычники. В X веке аббат Херигер из аббатства Лоббс (нынешняя Бельгия) – друг Герберта, будущего папы Сильвестра II, автор серьезного труда по математике, человек, которого почитали за знания и ученость, – писал, что гунны уверяли его, что гордятся своим еврейским происхождением³³. Это было, конечно, неправдой: гунны не были евреями. Однако из этих слов вытекает, что среди этих тюркок-захватчиков, сеявших ужас в сердце западного мира, были и евреи.

И мы знаем, что у другого тюркского народа со схожей историей правящий класс действительно стал еврейским. Это были хазары, основавшие в Северном Прикаспии свой каганат, ставший на некоторое время столь могущественным, что два восточноримских императора, Юстиниан II и Константин V, женились на хазарских принцессах. Арабский географ XIV века ад-Димашки писал, ссылаясь на ранние источники:

В дни Харуна ар-Рашида [то есть в VIII веке] римский император вынудил евреев уйти. Они пришли в страну хазар, где нашли разумных, но необразованных людей и предложили им свою веру. Те сочли ее лучше своей собственной и приняли ее³⁴.

Правдивость рассказа ад-Димашки подтверждается словами самих хазарских правителей.

³³ Wexler P. The Ashkenazic Jews: a Slavo-Turkic People in Search of a Jewish Identity. Columbus: Slavica Publishers Inc., 1993.

³⁴ Brook K.A. The Jews of Khazaria. Northvale: Jason Aronson Inc., 1999.

Удивительно, как обрезанный единорог

К VIII веку хазары овладели обширной территорией к северу от Каспийского моря со столицей в дельте Волги и установили контроль над землями от нынешней Украины до Центральной Азии. Перед ними склонялись аланы, болгары, греки, готы, мадьяры и славяне, их набеги вызывали панику на еще больших пространствах Европы и Руси. Этим они мало отличались от других восточных завоевателей, таких, как гунны до них и мадьяры после них. Уникальны они были в своей политике. Потому что, несмотря на постоянное военное давление со стороны христианской Византии с запада, мусульман-арабов с юга и пока оставшихся язычниками славян с севера, хазары не приняли ни христианства, ни ислама. Вместо этого правители хазар сами обратились и обратили часть (возможно, даже большую) своего народа в иудаизм.

Далеко на западе, в Южной Испании располагалась блистательная Кордова, столица халифата Омейядов под властью Абдуррахмана III, самый большой и культурный город в Европе, славившийся своими мечетями и дворцами. Кордовские шелка, парча и кожаные изделия ценились на Востоке и на Западе; кордовские писцы скрипели перьями по заказу самых известных писателей и ученых своего времени. Управляющим таможней халифа (по сегодняшним меркам – министром финансов) и главным дипломатом (то есть министром иностранных дел) был еврей – ученый, врач и политик Хасдай ибн Шапрут (915–970), интеллектуал, входивший в группу переводчиков с греческого на арабский классического труда Диоскорида «De Materia Medica», который, уже переведенный на латынь, стал основным пособием по фармакологии в следующие шесть столетий.

По его собственным словам, Ибн Шапрут впервые услышал странный рассказ о тюрках-хазарах, обращенных в иудаизм, от купцов из Азии. Он нашел эту информацию неправдоподобной и не заслуживающей внимания. Однако ее вскоре подтвердила византийская дипломатическая миссия, от которой он получил более подробное описание Хазарии. Можно представить себе выражение лица Хасдая, когда он прогуливался вместе с высокопоставленной делегацией в своем шелковом одеянии и белом тюрбане среди прохладных фонтанов в тенистых дворцовых садах, где цвел жасмин, благоухали гранатовые и апельсиновые деревья в цвету, – и слушал фантастический рассказ о еврейском царстве, пользующемся уважением самого византийского императора. По словам Артура Кестлера, автора книги «Тринадцатое колено: Хазарская империя и ее наследие», «воинственный народ тюрков-евреев должен был казаться <...> таким же удивительным, как обрезанный единорог».

Имя царя, царствующего над ними, Иосиф, – рассказали гости. – Корабли приходят к нам из их страны и привозят рыбу и кожу и всякого рода товары. Они с нами в дружбе и у нас почитаются. Они обладают силой и могуществом, полчищами и войсками, которые выступают на войну по временам.

Разумеется, кордовский визирь не мог удержаться, чтобы не войти в контакт с хазарами как можно скорее. В письме царю Иосифу он писал, что желает

...узнать истину, а именно, существует ли где-либо место, где имеется светоч и царство у израильской диаспоры и где не господствуют над ними и не управляют ими. Если бы я узнал, что то, что я слышал, верно, я бы пренебрег своим почетом и отказался бы от своего сана, оставил бы свою

семью и пустился бы странствовать по горам и холмам, по морю и суше, пока не пришел бы к месту, где находится господин мой, царь...³⁵

Не стоит воспринимать эти слова слишком серьезно. Использование высокого поэтического стиля было в те времена общепринятым в официальной переписке. В действительности письмо было составлено от имени Хасдая Менахемом ибн Саруком, главным еврейским поэтом и филологом Кордовы (впоследствии он впал в немилость и был смещен – Дунашем ибн Лабратом, автором стихотворения «Он провозгласит свободу»). Менахем начал письмо с *пиюта* – сложного литургического гимна, содержащего хвалы в честь хазарского правителя, в котором начальные буквы каждой строки образуют акrostих, складывающийся в полное имя Хасдая, а затем Менахема.

Кордовец сообщал хазарскому царю о процветании мавританской Испании, где евреи живут в благоденствии. Однако письмо оканчивается вопросом об ожидаемом со дня на день приходе Мессии – вопросом, всегда близким благочестивому еврейскому уму, не вследствие преследований и угнетения, но потому, что отсутствие у евреев своей страны унижало еврейский народ даже в его собственных глазах – «обесчещенные и униженные нашим рассеянием, мы вынуждены молча выслушивать тех, кто говорит: “У каждого народа есть своя страна, и только у вас одних нет даже тени страны на этой земле”».

Ибн Шапруту понадобилось много времени, чтобы найти способ переслать это велеречивое послание хазарскому кагану. При первой попытке курьера Хасдая не пустили дальше Константинополя – император, без сомнения, рассматривал всякий союз между мусульманами-арабами и евреями-хазарами как двойную угрозу. Однако посланец Хасдая встретил ученого хазарского еврея, который утверждал, что он близок к своему правителю, и которого он уговорил написать короткое эссе о своей стране и ее отношениях с соседями. Копия этого текста, называемая «Кембриджским документом», хранится в Кембриджском университете.

В следующий раз Хасдай послал свое письмо более сложным путем, передавая его из рук в руки, из своей общины он передал его евреям, жившим на территории современной Хорватии; письмо прошло через руки евреев Венгрии и Руси, а затем болгарских евреев, уже имевших контакты с хазарами. На этот раз письмо дошло до адресата, потому что сохранились две копии ответа, хотя и неизвестно, когда ответ был доставлен в Кордову и читал ли его вообще Хасдай. Впрочем, не стоит проявлять скепсис по этому поводу, ведь даже в так называемые «темные века» люди вели переписку, находясь на значительном расстоянии друг от друга, и письма доходили до адресатов.

Иосиф писал:

Я живу возле дельты реки Волги, с Божьей помощью охраняю вход в нее и препятствую русским, прибывающим сюда на кораблях, войти в Каспийское море, чтобы добраться до страны арабов. На том же пути я останавливаю этих врагов, приближающихся к воротам Дербента по суше. Поэтому я воюю с ними, и если бы я позволил им пройти хотя бы однажды, они бы разрушили всю страну арабов вплоть до Багдада.

Именно его предок каган Булан, сообщил Иосиф, принял еврейскую веру в результате сна или видения, в котором Бог научил его устанавливать скинию для семисвечника (символ иудаизма до наших дней), а также алтарь, священные сосуды и инструменты.

После этих дней из сынов его сынов явился царь по имени Обадия. Это был прямой и справедливый человек. Он реорганизовал царство и установил еврейскую веру. Он построил синагоги и школы, привез много израильских мудрецов, заплатил им серебром и золотом, и они объяснили ему двадцать

³⁵ Koestler A. The Thirteen Tribe: The Khazar Empire and its Heritage. London: Hutchinson & Co., 1976.

четыре книги [Библии], Мишну, Талмуд и порядок молитв. Это был человек, боявшийся Бога, любивший Закон и заповеди³⁶.

Переписка между визирем Омейядов и царем Иосифом, которая велась в середине X века, является последним ясным документом по хазарской истории. По обрывочным упоминаниям в позднейших мусульманских, еврейских и христианских источниках известно, что нападения с севера усиливались и что к 1000 году русские достигли своей цели и разрушили хазарский город Саркел, закрывавший для них путь к Каспию. Было ли это концом хазарской независимости или еврей-тюрки еще удерживали часть своих земель около сотни лет, как полагают некоторые историки, – вопрос остается нерешенным. Во всяком случае, теперь полное исчезновение хазар с карты мира и со страниц истории было лишь вопросом времени, хотя турки, арабы и иранцы до сих пор называют Каспий Хазарским морем.

³⁶ Brook K.A. The Jews of Khazaria...

Сеннан и Зиппан

Велось много споров о том, какая часть простых хазар вместе со своими правителями приняла еврейскую религию. Каганат населяло много народов, исповедовавших разные веры: тюрки, персы, славяне, германцы и кельты – евреи, христиане, мусульмане и шаманисты. В результате такой толерантности все иммигранты, исповедовавшие иудаизм, продолжали притекать в Хазарию из самых недружественных районов Византии с таким же энтузиазмом, как говорившие на идише стекались в Америку из нетерпимой России в конце XIX века. Письмо хазар из Киева X века подписано одиннадцатью именами, из которых семь еврейских и четыре тюркских. Одно из ивритских имен – Леви, а два тюркских имеют аффикс Коген.

Тысячелетнее движение народов с востока на запад путем последовательных завоеваний кочевниками – гуннами, аварами, булгарами, хазарами и мадьярами повлияло не только на крымских евреев. Массовое движение населения, начавшееся в IV веке и закончившееся в X веке, изменило этнический состав Евразии, перемещая целые народы, подобно гигантским приливным волнам подхватывая общины и перенося их на громадные расстояния. Отступая, волны выбрасывали общины, как драгоценные камни, на берег – в новые условия, среди незнакомых людей, далеко от первоначальных мест их обитания.

Волны гуннов и авар шли на запад и на Балканы, вытесняя славян-земледельцев из их родных краев на восточном берегу Вислы: на запад вплоть до Гамбурга и Эльбы и на юг до греческого Пелопоннеса. Когда орды уходили, первопроходцы оставались. Великое переселение народов имело далеко идущие исторические последствия. Центральная Европа, включая территории современных Австрии, Чехии и Словакии, даже большую часть Германии, стала говорить на славянских языках. Возникли южнославянские народы – сербы, хорваты и словенцы. К ужасу византийцев вся Греция стала этнически скорее славяно-тюркской, чем греческой. Теперь славянские диалекты можно было услышать на всем пути от реки Заале возле Лейпцига (последнее название имеет славянское происхождение) до нынешней Москвы на востоке, от Финского залива до Коринфского, от горных склонов Тироля и поросшей травами Венгерской низменности до холодных холмистых земель нынешней России и выцветших степей Украины. Фольклорная легенда говорит о трех братьях-славянах – Лехе, Чехе и Русе, ставших родоначальниками соответственно польского, чешского и русского народов; вместе они отправились в путешествие в поисках земли, чтобы там поселиться, а затем расстались: один пошел на восток, другой на запад, третий на север, и каждый обрел свою новую родину.

Таковыми же волнами вместе с переселяющимися народами двинулись из Крыма и из степей Причерноморья в глубь Европы люди, исповедовавшие иудаизм. В X веке Ибн Шапутр посылал письмо хазарскому кагану через общины, сформировавшиеся в Хорватии, Болгарии, Венгрии и Руси. Смешанные еврейские, готские, греческие и тюркские общины, увеличенные числом новообращенными из окружающих народов, давно сменили греческий язык на турецкий. Теперь же они восприняли славянский язык, который называли *лошн кнаан*, «язык ханаанейцев», – наряду с латинским словом *sclavus*, означавшим одновременно «раба» и «славянина», потому что для евреев нацией рабов некогда были ханаанейцы. Рекомендательное письмо, адресованное общине средиземноморских Салоник, объясняет, что его носитель, как и другие евреи из славянского мира, не знал ни иврита, ни арабского, ни греческого, «потому что народ его страны говорит только на языке *кнаан*»³⁷.

³⁷ Giesztor A. Beginnings of Jewish Settlements in Poland // The Jews in Poland / Ed. by Ch. Abramsky, M. Jachimchuk and A. Polonsky. New York: Blackwell, 1986.

Таков был фундамент, на котором строился идишский мир. Начиная с этого времени мы находим отдельные намеки и указания, крошечные следы еврейской жизни в Восточной Европе и на Балканах. На смешанных языческих и еврейских могилах IX и X веков в сербском Челарево можно увидеть плиты с еврейскими символами – менорами, рогами быка и даже с одним ивритским текстом: «Иегуда, ой!» В написанном на латыни тексте IX века из Зальцбурга («Salzburger Formmellsammlung») упоминаются еврейские купцы, торгующие в Австрии, а также *medicum iudaikum vel slavianiscum* («еврейский или славянский врач»). Народная легенда – известная, хотя и неправдоподобная, гласит, что первым королем Польши был еврей. Далимилова хроника, старейшая чешская стихотворная летопись XIV века, рассказывает о том, как чешские евреи присоединились к своим славянским братьям, защищая родину от немцев. Согласно австрийским хроникам, сведенным воедино венецианским писцом в XIV веке, первыми правителями Австрии были следовавшие один за другим 22 князя-еврея, которые носили тюркские имена, например Сеннан, правивший 45 лет и похороненный в Стубенторе в Вене, и Зиппан, правивший 43 года и похороненный в Тулине. Другие носили такие имена, как Лаптон, Маалон, Раптан, Рабон, Эффра и Самек³⁸. Эти рассказы отражают воспоминания о древних правителях, часть которых исповедовала иудаизм во времена аварского владычества или нападений мадьяр.

Даже когда Восточная Европа стала христианской и там стали образовываться государства, еврейское влияние сохранялось. В IX веке, когда велась переписка между болгарским царем Борисом и Папой Римским, новообращенные болгары-христиане испрашивали указаний по поводу правил поднесения первых плодов или по поводу *тфилин* (филактерий)³⁹; интересовались, какой день должен быть днем отдыха – суббота или воскресенье, каких животных и птиц можно употреблять в пищу, можно ли есть мясо животных, забитых не ритуально, можно ли хоронить самоубийц по религиозному обряду, сколько дней муж должен воздерживаться от сношений с женой после родов, нужно ли соблюдать пост во время засухи, должны ли женщины покрывать голову в домах молитвы. Эти вопросы показывают, насколько широко еврейские религиозные представления сохранялись среди новообращенных христиан. Булгарские дворяне называли своих сыновей такими именами, как Давид, Моисей, Аарон и Самуил. Продолжалось и обращение в иудаизм: отвечая на вопросы болгар, папа Николай I сетовал на то, что евреи продолжают привлекать прозелитов и даже требовать, чтобы язычники-неевреи не работали по субботам.

Аналогичная ситуация сохранялась во всей восточной части европейского континента. Еврейский квартал в Киеве существовал до VIII или IX века; Жидовские ворота стояли еще в XII веке⁴⁰. Историк Норман Дэвис в своем исследовании по истории Польши «Игровая площадка Бога» пишет, что почти нет сомнения в том, что «евреи жили в Польше с самых ранних времен и что иудаизм там <...> на деле предшествовал христианству»⁴¹.

Это не были евреи в строгом смысле – если подразумевать под этим словом тех, кто сознательно принадлежит к определенному национальному сообществу, имеющему свою собственную историю, отличную от окружающих народов, знающему, что оно лишилось своей земли и надеющемуся на то, что однажды придет Мессия и вернет его обратно. Если бы это было так, то существование еврейских общин в Восточной Европе было бы замечено и описано путешественниками и свидетелями, особенно евреями. Но это было не так.

³⁸ Koestler A. The Thirteen Tribe...

³⁹ Маленькие кожаные коробочки, содержащие написанные на пергаменте отрывки из Торы, которые привязывают ремешками к левой руке и лбу во время утренней молитвы, кроме субботы и праздников.

⁴⁰ Карамзин Н.М. История государства Российского. М.: Наука, 1991; Т. 2. С. 91.

⁴¹ Davies N. God's Playground: a History of Poland. Vol. 1. London: Oxford Univ. Press, 1981.

По иронии судьбы, автором самого первого известного описания Польши был еврей – Ибрагим ибн Якуб из города Тортосы в мусульманской Испании, в 966 году по поручению своего господина, кордовского халифа, сопровождавший посольскую миссию в Богемию и, вероятно, в Краков:

Страна славян простирается от Сирийского моря до океана на севере. <...> Ее населяет много племен, отличающихся друг от друга. <...> Сейчас здесь правят четыре царя: царь болгар; Болеслав, царь Фараги [Праги], Бойема [Богемии] и Каракко [Кракова]; Мешко, король Севера; и Након на границе с западом. <...> Если говорить о владениях Мешко, то это самая протяженная из их земель. Она обильна плодами – мясом, медом и рыбой. Налоги, которые собирает царь от продажи товаров, используются для поддержания его слуг. Он содержит три тысячи вооруженных людей, разделенных на отряды, <...> и снабжает их всем необходимым, одеждой, лошадьми и оружием. <...> Славяне сильны и воинственны. Если бы не разногласия между ними, вызываемые многочисленностью сообществ и разделением на кланы, никто не мог бы противостоять их силе. Они обитают в богатейших пределах обитаемых земель и обладают самыми обильными источниками средств существования. С особым тщанием они занимаются земледелием. <...> Они ведут торговлю на суше и на море до Рутении и Константинополя⁴².

В записке Ибн Якуба, позднее цитировавшейся в труде арабского географа XI века аль-Бакри «Аль-масалик валь-мамалик», описываются встречи со странствующими купцами-евреями в австрийских и германских городах. Содержание остальной части его сочинения неизвестно, потому что оно мало интересовало его арабских соотечественников. Но, путешествуя в составе высокой и важной делегации, он мог не заметить своих единоверцев, которые, исповедуя любовь к Богу Израилеву и почитание Торы, еще не ощущали себя отдельной общиной. Во многом это похоже на современный мультикультурный мир, где британские или американские евреи, христиане и мусульмане разделяют большинство обычаев и порядков страны, в которой живут, и лишь наиболее ортодоксальные и сознательные из них являют свое отличие. До XII столетия в восточных землях многие, исповедуя еврейскую веру, еще не идентифицировали себя как часть еврейского народа.

Историки и другие ученые долго и громко спорили о том, каков был процент этнических евреев в этом смешанном населении, рассеянном по славянскому миру. Некоторым авторам казалось важным показать, что евреи Восточной Европы имеют чисто еврейское происхождение. Но даже если оставить в стороне кисловатый привкус расизма, чувствующийся в озабоченности этим вопросом, эти исследователи упускают один важный момент – как и другие ученые, пытающиеся доказать, что почти все без исключения восточноевропейские евреи являются потомками обращенных в иудаизм. Гена еврейства не существует. Через несколько поколений этнические евреи, потомки ближневосточных евреев, римлян и греков, перешедших в иудаизм, а также германских, славянских и тюркских прозелитов перемешались настолько, что самый современный анализ ДНК неспособен разделить различные их ветви по генетическому признаку⁴³.

⁴² The Cambridge History of Poland / Ed. by W. Reddaway. London: Cambridge Univ. Press, 1941–1950.

⁴³ Даже Адольф Гитлер, несмотря на психопатический расизм и антисемитизм, в своем «Политическом завещании» 1945 г., незадолго до своего ожидаемого многими конца, писал: «Мы говорим о еврейской расе только ради языкового удобства, потому что в настоящем смысле слова и с точки зрения генетики еврейской расы не существует. (Этому противоречат данные современного генетического анализа. – *Прим. пер.*) Еврейская раса прежде всего есть сообщество духа».

Во всяком случае, поиски различий между этническими евреями и потомками прозелитов – дело глубоко нееврейское. Согласно установленному традицией принципу, все новообращенные независимо от происхождения считают древнееврейские корни своими собственными. Независимо от того, были ли их предки тюрками, греками, славянами, германцами, даже африканцами или китайцами, – все евреи имеют одинаковое право считать своими праотцами Авраама, Исаака и Иакова. Это положение было сформулировано на все времена в XII веке величайшим теологом, философом и врачом Моше бен Маймоном, Маймонидом, которого один новообращенный спросил, можно ли ему сослаться в молитве на «отца нашего Авраама». Маймонид ответил:

Наш отец Авраам учил весь народ, он сформировал его и дал ему знание истинной веры и божественного единства. <...> Поэтому всякий обратившийся в веру до конца поколений и каждый, кто чтит имя Бога в соответствии с тем, что написано в Торе, есть ученик Авраама. Все являются членами его семьи. <...> Авраам – отец всех праведных потомков, идущих его путем, и отец своих учеников, и всех и каждого обращенного. <...> Нет различия между ними и нами ни в каком отношении. И не относитесь к вашим предкам легкомысленно; ведь, если вы связаны с Авраамом, Исааком и Яковом, вы связаны с Тем, кто создал весь мир.

Передел Западной Европы

Если бы вам случилось проезжать по западной римской территории в V веке, когда только начинала замешиваться смесь соперничающих народов, когда на место упорядоченной Римской империи пришли германцы, вы бы увидели, что большинство городов разрушено, дома развалились, сквозь дыры в крышах проросли деревья, а в руинах поселились лисы и вороны, поля заросли диким кустарником, ирригационные каналы стали непроточными, акведуки развалились, и леса разрослись, как бы пытаясь восстановить ландшафт, существовавший до появления здесь человека. Огромные прямые римские дороги заросли сорной травой высотой в человеческий рост, потому что некому стало ездить по ним. Дорожные столбы покосились, потому что некому стало читать надписи на них. Прежние обитатели – все, кто мог, покинули эти места, а из тех, кто не мог уехать, более трети умерло от нищеты, голода и болезней.

От начала V до конца VI века, всего за двести лет передела Западной Европы варварами ее население существенно сократилось. Из приблизительно 40 миллионов граждан в 400 году осталось немногим более 20 миллионов – величайший пример депопуляции в истории западного мира⁴⁴. Таково было катастрофическое влияние падения Римской империи, развала ее производительной и экономической систем, разрушения ее коммуникационных сетей.

Те, кто еще помнил свою аграрную родину, вернулись в деревню. Громадные римские имения, латифундии, прекратили производство на продажу, потому что рынок перестал функционировать. Они вернулись к сельскому хозяйству, целью которого было лишь поддержание собственного существования; горизонты сузились, жизнь ограничилась пределами небольших общин, которые кормились, одевались и получали прочие продукты из того, что производилось на их участках, защищались от преступников внутри и нападений извне местных воинственных князьков. Звонкая монета почти прекратила хождение.

Несколько городов выжили, например, в Италии – собственно Рим, Генуя, Лукка, Пиза, Медиоланум (Милан), Августонеметум (Клермон), Нарбо Мартиус (Нарбонн), Аврелианум (Орлеан), Массилия (Марсель), в Галлии – Лютеция (Париж), вокруг которых для защиты были возведены примитивные каменные стены из руин ставших ненужными базилик или храмов забытых богов. Горожане покинули кирпичные здания, где отопление под полами более не функционировало, а водопровод бездействовал, и поселились в крытых соломой деревянных хижинах, на форумах, в хлевах, в цирках, в свинарниках и в общественных банях.

Среди евреев все, кто мог, в частности говорившие по-гречески, пробирались на побережье и садились на корабли, которые шли на восток. По возможности они избегали кораблей, где капитанами были евреи, поскольку помнили, что в IV веке пережил и описал в письме к другу Синезий из Кирены⁴⁵ – ужас, когда капитан оставил командование судном в разгар шторма, чтобы произнести молитвы по случаю наступления субботы.

Еврейское население бывшей Западной Римской империи уменьшилось еще в большей мере, чем нееврейское. Военные набеги, экономическая разруха, болезни и голод ударили по еврейскому среднему и рабочему классам особенно тяжело. Густонаселенные еврейские кварталы в городах Италии опустели. Многие бежали со своими семьями в сельские имения и отказались от свободы, веры и своего еврейства, чтобы избежать голодной смерти.

⁴⁴ *Livi-Bacci M. A Concise History of World Population. London: Blackwell, 1997.*

⁴⁵ *Fitzgerald A. The Letters of Synesius of Cyrene. London, 1926.*

Оставшиеся должны были найти для себя новые способы существования. Теперь не нужны стали актеры, художники, поэты и певцы; новые германские правители имели собственных кузнецов и не нуждались в портных; содержание лавок не давало пропитания там, где рынки и торговые центры были покинуты и никто не ходил за покупками. С другой стороны, на горизонте появилось новое дело, в котором евреи раньше участвовали мало, – торговля между отдаленными территориями. Падение Рима превратило религиозное меньшинство из ремесленников и мелких торговцев в сообщество коммерсантов.

Те, для кого иудаизм и бизнес являются синонимами, может удивиться, узнав, что торговля не была традиционным занятием евреев. В Библии купцы – это скорее ханаанеи, а не израильтяне; в I веке Иосиф Флавий писал, что евреи «не одобряют коммерции, как морской, так и иной»; позднее раввины презирали коммерческую деятельность на том основании, что «чем больше внимания торговле, тем меньше Торы».

Но теперь, после V века, возникла новая ситуация. Римская торговля в большой мере находилась под государственным контролем, а с приходом варваров имперские чиновники, занимавшиеся экономикой, исчезли, удалились в свои огромные наследственные имения, преобразуясь в новую местную знать. С другой стороны, еврейские мелкие собственники, продукция которых не давала достаточно средств для уплаты налогов королю, вера не позволяла платить десятину местному епископу, а традиции запрещали отправлять своих людей на войну – три обязательства, которые накладывались на землевладельцев по новому порядку, – оказывались перед трудным выбором: либо бросить свою собственность и переселиться в город или уплыть за море, либо оказаться привязанными к своему участку в качестве крепостных или рабов в рамках феодальной системы, которая, более того, требовала христианизации. Выбор был невелик, поэтому неудивительно, что большинство евреев покидало страну.

Новые королевства Италии, Галлии и Испании, однако, отчаянно нуждались в опытных коммерсантах. Неотесанные новые властители Европы мало знали о финансах и еще меньше об экономике, тогда как древние евреи уже в вавилонские времена владели таинственным искусством бухгалтерии (о чем свидетельствуют глиняные таблички V века до нашей эры, связанные с торговым домом Марашу и сыновей из вавилонского города Ниппура), без которого никакая коммерческая деятельность не могла успешно развиваться и которое казалось наливавшемся пивом германским воякам какой-то магией. Для них евреи из их королевств представляли собой очень ценное наследство империи и ее коммерческой практики. В результате, как сказано в Еврейской энциклопедии 1906 года, —

как только германские народы осели на земле после великого переселения V века, евреи стали упоминаться наряду с сирийцами как купцы, торговавшие в Нарбонне и Марселе. Франкские короли покупали у них товары, они торговали также в Неаполе, Палермо и Генуе. Они даже фрахтовали корабли: Григорий Турский упоминает еврея, у которого был корабль, ходивший между Ниццей и Марселем. Согласно средневековой записи, Карл Великий, наблюдая за кораблем, пришел к выводу, что это не еврейское, а норманнское судно.

Международная торговля привела к тому, что в течение последующих столетий банковское дело, ссуды и мена денег стали типичными еврейскими занятиями.

Существуют два вида денег. С одной стороны, это расчетные единицы, при помощи которых бухгалтеры ведут счета в расходных книгах; они могут существовать в реальности, как американские доллары, а могут и не существовать, как британские гинеи. С другой стороны, это обменные единицы – реальные деньги, обмениваемые на рынке. До недавнего вре-

мени эти единицы почти не совпадали. Денежная реформа Карла Великого дала нам эквивалент евро IX века, стандартные фунты, шиллинги и пенсы – *librae* (ливры, или фунты) предполагаемой стоимостью в фунт серебра, насчитывавшие 20 *solidi* (солидов, су, или шиллингов) и 240 *denarii* (денариев, денье, или пенни) – система, с преданностью сохранявшаяся в консервативной Британии до перехода к десятичной системе спустя около 1200 лет. Но Карл никогда не чеканил монет достоинством в фунт – неудивительно, потому что в этом случае каждая монета весила бы фунт. Действительно, фунты не ходили в Британии даже как бумажные деньги вплоть до XIX века. Что касается долларов, то пожилые и консервативные американцы вплоть до 1830 года, даже спустя полвека после установления независимости, вели расчеты в фунтах стерлингов⁴⁶.

С другой стороны, товары можно купить только за какой-либо вид наличных денег. До нынешнего века купцы на международных рынках нуждались не только в быстрых пересчетах между различными обменными курсами (в 1247 году один валенсийский су стоил су и 6 денье в Барселоне, су и 4 денье в Монпелье, су и 3 денье в Туре; он составлял 4 английских серебряных пенни, а 48 пенни составляли одну серебряную марку⁴⁷; в 1265 году ливр Терна составлял 1,4 турецкого ливра, в 1409-м – 1,5, а с 1531 года до выхода из обращения – 2 турецких ливра⁴⁸), но и в наличии большого объема реальных денег для торговли.

Здесь, однако, таится серьезная проблема. Все, кто прячет свои сбережения под матрасами, знают их стоимость, но наличные деньги теряют свою ценность во время инфляции, то есть почти во все времена. Капитал надо использовать для покупки фиксированных активов, всегда сохраняющих свою стоимость, таких, как земля, но тогда деньги нельзя быстро освободить в случае острой необходимости. Альтернатива для нас настолько привычна, что мы редко о ней задумываемся, – это возможность инвестировать в займы, делая проценты залогом против возможных потерь стоимости со временем. Но такой шаг был чреват опасностями для торговцев «темных веков». Сегодня мы называем это банковской системой. Однако все докапиталистические религии и большинство культур, включая иудейскую, относились к этому занятию с предубеждением как к ростовщичеству, считая его злом, хотя новым европейским королевствам «темных веков» отчаянно требовались деньги – как сегодняшним бедным развивающимся странам. Германские правители, имевшие целью рост экономики, постоянно нуждались в капитале, который могли предоставить только еврейские коммерсанты. В течение столетий не было другого источника финансирования для священников, желавших построить собор, для знати, столкнувшейся с денежными затруднениями, для купцов, которым нужно было сначала купить то, что они потом собирались продавать, для крестьян, нуждавшихся в семенах для будущего урожая.

В своем исследовании «Английское общество в раннее Средневековье» Дорис Стентон описывает займы, сделанные безрассудным Ричардом из Энсти, участником одного процесса в королевском суде:

«Когда, – сказал он, – я послал моего брата за море по приказу короля, я занял 40 шиллингов у Вивса, еврея из Кембриджа, заплатив 4 пенса процентов на каждый фунт в неделю; я продержал деньги 14 месяцев и уплатил 37 шиллингов и 4 пенса процентов». На следующую Пасху Вивс одолжил ему 60 шиллингов под те же проценты. Ричард держал их 6 месяцев и уплатил 24 шиллинга процентов. Когда он сам отправился за границу по поручению короля, он занял 4 фунта 10 шиллингов у Комитисса из Кембриджа на тех же условиях, продержал их 9 месяцев и уплатил 2 фунта

⁴⁶ Fisher D.H. The Great Wave: Price Revolution and the Rhythm of History. London: Oxford Univ. Press, 1996.

⁴⁷ Brodman J.W. Ransoming Captives in Crusader Spain. Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press, 1986.

⁴⁸ Mitchell Innes A. What is Money? // Banking Law Journal. May, 1913.

14 шиллингов. Как он говорил в Кентербери, он занял 2 фунта на тех же условиях у еврея Дёлекреса, держал их два месяца и заплатил 5 шиллингов и 4 пенса процентов. Когда он отправился за границу, он занял 3 фунта у еврея Якоба из Ньюпорта под те же проценты, держал их 13 месяцев и заплатил 2 фунта 12 шиллингов процентов. Когда он послал своих слуг в Рим, еврей Хакелот одолжил ему 10 фунтов под 3 пенса за фунт в неделю. Он продержал их 7 месяцев и уплатил 3 фунта 10 пенни процентов. После того как Михаэльмас Хакелот ссудил ему еще 3 фунта под те же проценты, он продержал их 3 месяца и заплатил 9 шиллингов процентов⁴⁹.

Уровень процентов по современным стандартам кажется непомерным и может быть оправдан лишь исключительной недоступностью капитала и реальной опасностью, что заемщик окажется неплатежеспособным. И всегда, когда евреев изгоняли из страны, как в 1290 году из Англии и в 1395 году из Франции, люди вскоре начинали оплакивать эту потерю, жалуясь, что неевреи поднимали проценты еще выше. Высокие проценты были обусловлены скорее отчаянной необеспеченностью финансовых условий, чем еврейской жадностью.

Таким образом, дело было не в еврейском обожествлении золота, как утверждал Карл Маркс, а в коллапсе римской экономической системы в Западной Европе, превратившем большую часть остававшихся евреев – земледельцев, мелких буржуа, ремесленников и рабочих – в ростовщиков и заемщиков, хотя это занятие сослужило им дурную службу в последующие столетия. Впрочем, новый порядок в Европе привел к изменению гораздо более глубокому, влияние которого на формирование идишской цивилизации нельзя переоценить, потому что оно превратило римских граждан иудейской веры в особую национальность – евреев.

Германцы – лангобарды («длиннобородые») и две ветви племенного союза готов – вестготы (западные) и остготы (восточные), основавшие свои королевства на месте нынешних Испании и Италии, были обращены в христианство еще до своего появления на Западе. Но они предпочли арианскую версию христианства. Согласно арианству, «Бог Сын не равен Богу Отцу, а стоит ниже Его»; эта идея ближе к еврейскому пониманию Мессии, чем к католическому представлению о божественности Иисуса. Действительно, ариан часто обвиняли в иудействовании, извращении христианства на манер иудаизма. Вдобавок арианство проводило гораздо более терпимую политику по отношению к религиям, чем римская ортодоксия. Арианин Агил упрекал католического епископа Григория Турского словами: «...мы же не порицаем того, во что вы веруете, хотя мы в это и не веруем; ибо нет вины в том, если почитают и то, и другое»⁵⁰ – эта идея была четко суммирована королем Теодорихом Великим: «*Religionem imperare non possumus, quia nemo cogitur ut credit inuitus*» («Мы не можем управлять верой, поскольку никого нельзя принудить верить во что-нибудь против его воли»)⁵¹.

В то время как новые правители исповедовали свою диссидентскую веру, евреи казались полностью равными готам, римлянам, сирийцам, грекам и любому сообществу в пределах их границ. Иные евреи, готские подданные, обладали даже юридической властью над иными католиками, нередкими были и браки между арианами и евреями⁵².

Однако все изменилось, когда правящий класс готов в Испании и франкские авантюристы, захватившие контроль над Галлией, в течение VI века были вовлечены в католицизм и после того, как полководец Велизарий присоединил к Восточной Римской империи Ита-

⁴⁹ Stenton D. *English Society in Early Middle Ages (1066–1037)*. London: Penguin Books, 1951.

⁵⁰ Григорий Турский. История франков. Кн. V, 43.

⁵¹ Флавий Магн Аврелий Кассиодор. Разное. Кн. II.

⁵² Helfferich A. *Westgothischer Arianismus und die Spanische Ketzergeschichte*. Berlin: Springer, 1860.

лию – тогда евреи отважно сражались на стороне готов, особенно при Неаполисе (Неаполе), где они заняли стены и почти одни обороняли город. Со времен одиозного в других отношениях императора Карагаллы члены всех религиозных общин были равными гражданами империи. Теперь же христианство правильного сорта стало предварительным условием для получения гражданства. Все, кто не мог или не хотел принять христианскую веру, отныне считались чужаками, иностранцами в стране, где они не имели права родиться. Не важно, что очень многие семьи из числа соблюдавших Тору столетиями жили на территории Западной Европы – разумеется, дольше, чем недавние завоеватели. Не важно, что они были грамотными и цивилизованными, в то время как германская знать еще жила в убогих хижинах в северных лесах и питалась жидкой похлебкой. Не важно, что многие, возможно даже большинство, могли предъявить безупречную латинскую или греческую родословную. Те, кто отказывался признать религиозные требования новых западноевропейских королевств, отныне не считались просто гражданами иной веры – теперь они вообще не считались гражданами. Отныне они должны были быть «евреями», отдельным и чуждым народом.

Никто точно не знает, какие формы иудаизма исповедовали жители Западной Римской империи. Большинство ученых считает, что они были очень разнообразными, разные общины молились на разных языках, отмечали праздники с разной степенью скрупулезности и очень вариативно соблюдали законы – если они вообще их знали. Вероятно, многие из тех, кто называл себя евреями, были ими, как и сегодня, немногим более чем лишь по названию – если судить, к примеру, по надписи из Нарбонна на юге Франции. На ней изображен еврейский канделябр, но только с пятью подсвечниками, надпись сделана полностью на латыни, кроме трех древнееврейских слов: *шалом аль Исроэл* («мир Израилю») – впрочем, написанных с ошибками. Еврейское население нынешних Франции, Испании и Италии было полностью отрезано от великих международных центров иудейской мысли в течение первого христианского тысячелетия. Святая земля и процветающие раввинские академии Вавилонии были недоступны, поскольку находились в пределах границ мощного врага Рима – иранского Парфянского царства, а позднее империи Сасанидов.

Но теперь новая форма внутреннего изгнания, наложенного новыми христианскими монархами, привела к возрождению иудаизма, к драматической и позитивной перестройке еврейского самосознания и к возгоранию энтузиазма по отношению к еврейской вере. Позиция была такова: «Очень хорошо, нас не считают полноправными гражданами в вестготской Испании, франкской Франции или византийской Италии, тогда давайте соберем наши корни и сделаемся снова народом священников, как сказано в нашей Библии».

Но как было достичь этого? Ответ пришел вместе с событием, прошедшим для германских королевств незамеченным и не запечатленным в их анналах. В маленьком пустынном городке в далекой Аравии появился новый пророк Мухаммед и начал писать новую главу в мировой истории. Достаточно скоро захват Иберийского полуострова мусульманами-маврами привел к рождению другой ветви семейства европейских евреев – сефардов. Это несколько другая история, но она тоже сделала возможным появление идишской цивилизации, потому что мусульманская империя привязала евреев Западной Европы к их историческим и религиозным корням.

Слон Карла Великого

Примерно в то время, когда король вестготской Испании Реккаред обратился в католицизм и начинал настаивать на религиозном подчинении своих подданных, пророк Мухаммед начал духовную революцию в Аравии. Спустя шесть лет после его смерти армии мусульман отбили у персов Месопотамию. Прошло еще два года, и Святая земля перешла из рук римлян в руки арабов. Еще два – и у Византийской империи был оторван Египет. Ислам медленно продвигался на запад через средиземноморский берег Африки, пока к концу VII века оттуда не ушли все византийские войска. Тунис, Алжир и Марокко вошли в состав мусульманского мира как провинция Ифрикийя.

Вестготские короли трепетали, увидев, что силы ислама подошли ближе чем на восемь миль к берегам Испании через пролив у Геркулесовых столбов. В беспокойстве они осматривались вокруг в поисках возможных предателей дела христиан и обратили взор на евреев, которых справедливо подозревали в симпатии к мусульманам. Требовались решительные меры. Теперь было недостаточно запретить иудаизм, приказать евреям принять крещение, признав себя верными христианами, или применить коллективное наказание, удалив их в изгнание. Что же еще можно было сделать? В 694 году вестготский король Эгика принял чудовищное решение. Он конфисковал остававшуюся у евреев собственность, объявил всех их рабами хозяев-христиан, которые должны были любыми удобными средствами добиться, чтобы люди, ставшие их собственностью, не исповедовали иудаизм в какой бы то ни было форме. Их детей надлежало отнять и воспитывать как католиков. Те из евреев, кто могли, бежали, остальные вынуждены были подчиниться. Это рабство было даже хуже египетского, существовавшего на 2000 лет ранее. К счастью, оно продолжалось гораздо меньше – хотя и достаточно долго для попавших в него, – 17 лет.

На этот раз Бог послал обращенным в рабство евреям не царственного Моисея, а человека, который сам ранее был рабом: берберского полководца Тарика ибн Зияда. Во время спора между претендентами на вестготский трон одной из сторон потребовалось его вмешательство. В 711 году Тарик пересек узкий пролив с войском в 7000 человек на небольших кораблях и высадился на мысе Гибралтар (по-арабски с тех пор он называется Джабаль аль-Тарик, гора Тарика). За два года войны он захватил для ислама весь Испанский полуостров.

Множество евреев, притворно принявших христианство, чтобы спасти себя и свои семьи от рабства, вышли с приветствиями навстречу мусульманским войскам и собрались под их знаменами. Согласно арабским источникам, завоеватели собрали евреев из всех городов и сформировали из них гарнизоны во всех захваченных городах. Кордова, Гранада, Толедо и Севилья перешли под контроль евреев. Позднейшие арабские географы говорят о Лусене, Гранаде и Таррагоне как о полностью еврейских городах.

Теперь, впервые со времен Римской империи, европейское еврейство снова было связано со своей Святой землей и с месопотамским центром еврейской традиции и учености в одной универсальной империи. Евреи, мусульманские подданные, могли путешествовать с востока на запад, из Вавилонии через Палестину, Египет и Северную Африку в Испанию, не пересекая границ империи. Раввины из Вавилонии могли переписываться с другими еврейскими центрами, например с Барселоной. С Ближнего Востока в испанские общины посылали учителей и молитвенники. Были основаны раввинистические академии, например академия в Лусене – столь престижная, что к началу IX века ее постановления пользовались необыкновенным авторитетом.

Восстановление еврейской идентичности и связей с сердцем еврейской интеллектуальной культуры повело евреев-сефардов по отдельному историческому пути, в конце кото-

рого они внесли решающий вклад в развитие одного из гигантов европейской цивилизации – мусульманской Испании, а таким образом – в современную культуру.

Начиная с этого момента и до XIX века, несмотря на общих предков, религию и историю с их двоюродными братьями по ту сторону границы между мусульманским и христианским миром, сефарды считались (как в еврейской, так и в нееврейской среде) отдельным еврейским народом, более высоким во всех отношениях, чем остальные их единоверцы. Но их контакты с общинами в соседних странах, управлявшихся христианами, и там изменили судьбу религиозного меньшинства.

В октябре 801 года побитый штормами корабль причалил к пристани в Порто-Венере на лигурийском побережье Италии. По сходням сошли два создания, каждое из которых казалось экзотическим для толпы зевак, собравшихся со всех сторон поглазеть на них. Первым был еврей Исаак, вторым слон Абу-ль-Аббас (в переводе «Отец строгого лица»).

Слон был одновременно угодливым и снисходительным подарком прославленного и легендарного багдадского халифа Гаруна ар-Рашида, величайшего правителя того времени, своему почитателю королю франков Карлу Великому⁵³. Этот подарок словно говорил: «Посмотри на моего зверя, ты, могучий, и трепещи». На самом деле Гарун всего лишь унаследовал слона от своего предшественника, в свою очередь получившего его от индийского раджи. Еврей Исаак был единственным выжившим членом посольства, отправленного Карлом на восток за три года до этого; теперь он возвращался по старой римской Кассиевой дороге из Генуи в Турин, а дальше через Альпы. Он фактически открывал путь, по которому спустя несколько столетий многие итальянские евреи отправились искать новые дома в Германии и за ее пределами. Это было примерно в то самое время, когда причерноморские евреи стали приходить в Центральную Европу.

Исаак не мог продолжать тысячекилометровое путешествие на север в столицу империи Аахен, потому что великий перевал Сен-Бернар был уже перекрыт снегопадом; ему пришлось ждать весенней оттепели в маленьком городке Верчелли. Следующим летом Исаак и Абу-ль-Аббас появились при дворе Карла, где слон прожил еще десять лет, пока не погиб во время военного похода против взбунтовавшихся датчан на берегу Северного моря.

В «Анналах франкского королевства» («*Annales Regni Francorum*»), откуда мы знаем эту историю, не говорится о подарке французским евреям, оказавшемся впоследствии гораздо более важным. Но еврейская традиция помнит, что Исаак привез с собой образованного еврея по имени Махир, вавилонского ученого, вскоре основавшего важную раввинскую академию в Нарбонне. Писатель XII века Авраам ибн Дауд из Кордовы утверждал, что Карл Великий предложил Махиру основать в этом городе династию еврейских королей. Другие сообщают, что, когда Пипин Короткий захватил город в 759 году, евреи помогли ему изгнать мусульман и в награду получили право управляться еврейскими королями⁵⁴. Действительно, есть сообщения, что еще долгое время все мужчины из семьи Махира носили титул *наси* (князь) и жили в доме, называвшемся «*Cortada Regis Judaeorum*» («Двор еврейского короля»)⁵⁵. Меир из Нарбонна, представитель общины при императорском дворе, писал, что это была награда за то, что «при осаде Нарбонна король Карл, под которым была убита лошадь, избежал гибели лишь потому, что некий еврей спешил и отдал ему своего коня». Согласно различным данным, источники которых утрачены, княжеская еврейская

⁵³ Карл Великий (умер в 814 году) – основатель династии Каролингов в королевстве франков (существовало в V–IX веках, во время своего расцвета занимало значительную часть Западной Европы; распалось в 843 году). – *Прим. ред.*

⁵⁴ *Gesta Caroli Magni ad Carcassonam et Naribonam* (IX в.)

⁵⁵ *Saige G. Histoires Juifs du Languedoc au XIVe siecle*. Paris, 1881.

династия действительно некогда правила в этом крупнейшем городе Западного Средиземноморья.

Рассказ о слоне Карла Великого позволяет нам бросить взгляд на место евреев во франкском обществе. Император смотрел на Исаака как на посредника между цивилизацией ислама и своим миром. В конце концов, разве рядом, в исламской Иберии, евреи не жили во взаимно уважительном соседстве с теми, кто следовал Пророку? Только евреи были способны перевести слова Карла Гаруну и слова Гаруна Карлу.

Каким бы сложным ни было для евреев это положение, в последующие столетия в глазах обычного христианского населения оно казалось завидным. Некоторые евреи были поставщиками королевского двора, другие управляли католическими религиозными учреждениями. Они занимались сельским хозяйством и виноделием – даже вино для мессы приобретали у евреев. Правители издавали благоприятные для них законы. Было много обращенных в иудаизм, особенно среди высших классов, самым известным из которых был Бодо, бывший диакон короля Людовика Благочестивого (778–840). Но простые люди тоже симпатизировали еврейской вере – судя по отправленному императору протесту лионского епископа Агобарда, в котором он жаловался:

Христиане празднуют субботу вместе с евреями, оскверняют воскресенье, нарушают посты. Из-за этого евреи хвастаются, что они принадлежат народу патриархов, народу праведников, что они дети пророков, – и невежественные люди думают, что они суть единственный народ Божий и что еврейская религия лучше их собственной.

Позднее прелат Иоанн Пекхам советовал графине Фландрской не позволять евреям частных бесед с «женщинами или с другими простыми людьми», которые могут легко обратиться в иудаизм⁵⁶.

Действительно, после того как германцы-лангобарды вытеснили византийцев со значительной части территории нынешней Италии, а франки создали основу будущей Священной Римской империи, евреи хотя еще считались чужеродной общиной, но занимали почетное место в обществе. Даже после перехода в католичество лангобардские (ломбардские) правители рассматривали еврейское меньшинство как равное их христианским подданным, а папы, ставшие фактическими правителями Рима, Неаполя, Палермо, Равенны и их окрестностей, в большей или меньшей мере защищали евреев от эксцессов со стороны католических епископов и низшего духовенства. Папа Григорий Великий (540–604) настаивал на сбалансированном принципе, который применялся и в последующие столетия:

Подобно тому как евреям в их общинах не позволяется выходить за пределы дозволенного законом, и сами они не должны страдать от нарушения их прав.

Теперь, когда мусульмане осели на завоеванной земле, активно начал функционировать обмен товарами и идеями между общинами Испании, Франции и Италии, восстановивший религиозную идентичность для многих, давно забывших, что на самом деле значит быть евреем. Но несмотря на связи с исламским миром и восстановление еврейской самоидентификации, евреи христианских королевств были прочно ассимилированы своим окружением. Там, где сегодня английский язык является *lingua franca*, на котором говорят и который понимают в большинстве мест, евреи, как и все остальные, говорили на вулгарной латыни – самом популярном языке западных христиан, из которого только начали выделяться каталонский, французский, итальянский, провансальский, румынский, испанский и другие языки из сегодняшней романской семьи.

⁵⁶ Gilbert D. *Les Intellectuels Chrétiens et les Juifs au Moyen Age*. Paris: Cerf, 1990.

Действие «молиться» они называли латинским глаголом *orare*, для «благословлять» использовали слово *benedicere*, «читать» означало *legere*, «дремать» – *dormitare*. Некоторые обращались к мужчинам «сеньор», популярным женским именем было Джентиль⁵⁷. Как и придуманные Карлом сокращения £, s, d (соответственно для фунта, солида и денария), эти слова наряду со многими другими дошли до наших дней, принятые везде, куда попадали произносившие их. Многосложные латинские слова сглаживались и округлялись поколениями ленивых языков, их спряжения германизировались, пока *orare* не стало идишским *орен*, *benedicere* превратилось в *бентин*, *legere* стало *лейнем*, *dormitare* – *дремельн*, «сеньор» стал Шнеуром, а Джентиль – Ентл.

С тех пор как евреям запретили называться отдельным народом в королевствах, где они в большинстве случаев жили на протяжении многих поколений, они перестали быть привязанными сентиментальными чувствами к какой бы то ни было европейской стране и, как большинство эмигрантов даже в наше время, чувствовали свободу двигаться туда, куда позволял закон, и в место, которое казалось привлекательным.

В течение нескольких столетий в любой день лета, кроме суббот и религиозных праздников, можно было наблюдать еврейские семейные группы и большие караваны, сопровождаемые фургонами, в которых находились все их пожитки, двигавшиеся на север через Альпы по той же дороге, которую прошел слон короля Карла, – через перевал Сен-Готард и проход Бреннер. Они пересекали Италию, затем продвигались на север в Германию и далее – в бассейн Рейна, а в конце концов появлялись на перевалочных пунктах. Там они продавали скандинавским мореходам с Северного и Балтийского морей продукты земледелия из внутренних частей континента. Постепенно отказываясь от латинского языка, евреи переходили на современный им немецкий, хотя и сохраняя несколько привычных латинских фраз с вкраплениями ивритских слов.

Первоначально пограничная территория между владениями франков и германцев, так называемые Рейнские земли, была зоной, отделявшей романизированных галлов от варваров-германцев, и во многих городах, таких, как Кёльн или Трир, уже давно имелись еврейские поселения. По мере расширения рынков появлялась необходимость в новых людях, разбирающихся в бизнесе. Правители были готовы поддержать еврейское предпринимательство, и к концу I тысячелетия значительное число еврейских купцов было привлечено или принуждено поселиться в Кёльне, Франкфурте, Майнце, Шпейере, Трире, Вормсе и даже в баварском Регенсбурге.

Типичной была судьба семьи с фамилией Калонимос, красноречиво говорящей о них как о потомках говоривших по-гречески. Одна ветвь этой семьи давно проживала в Тоскане под правлением ломбардцев. Начиная с Лукки, старого торгового города, откуда дороги расходились в Парму, Флоренцию, Рим и Пизу, скитания этой семьи представляют в миниатюре историю западноевропейского еврейства. Есть указание на происхождение их традиции из Месопотамии, откуда она была принесена на север, в нынешнюю Германию. По словам Элеазара бен Иегуды бен Калонимоса из Вормса,

Абу Аарон <...> из Вавилонии из-за несчастного случая был вынужден скитаться, переходя с места на место, пока не пришел в страну Ломбардию, в город под названием Лукка, где он нашел мастера Мозеса <...> и передал ему все свои секреты. Мастер Мозес, сын Калонимоса, сына мастера Иегуды, первым покинул Ломбардию, он и его сыновья <...> вместе с прочими важными людьми. Король Карл привез их с собой из страны Ломбардии и

⁵⁷ Geipel J. Mame-Loshn: The Making of Yiddish. London: Journeyman Press, 1982.

поселил их в Майнце, и там их род значительно умножился и стал процветать (трактат «Горнило мудрости» / «Мацреф ле-хохма»).

Упомянутый король Карл это, вероятно, Карл Лысый (823–877), внук Карла Великого. Чтобы переселение евреев Вормса было по возможности более комфортным, им была гарантирована свобода ехать, куда они пожелают, и участвовать в коммерческой деятельности без уплаты таможенных сборов. Они могли заниматься торговлей или обменом денег, нанимать христиан на работы и обладать собственностью. В 1084 году католический епископ Шпейера указом «Дарование земель и привилегий евреям» отдал евреям деревню Альтшпейер, которую включил в муниципальные границы, и позволил ее новым жителям укрепиться, чтобы «тысячекратно увеличить честь города». Заметим, что их переселили из Шпейера не из-за антисемитских предубеждений, а «чтобы евреи не были подвержены оскорблениям со стороны горожан».

Почему именно евреи были так востребованы? Разве не было других искусных коммерсантов, могущих при помощи торговли принести в этот край процветание? Это религиозное меньшинство, как говорят факты, было единственной группой, сохранившей некоторую память о римской технике ведения дел. Более того, организация общества, которую мы называем феодальной, отводила каждому фиксированное место и позволяла лишь немногим простым людям свободу путешествовать по своему усмотрению. И в то время как и евреям, и христианам их вера запрещала предоставлять займы под проценты своим единоверцам, обе стороны закрывали глаза на предоставление займов тем, кто стоял по другую сторону религиозной границы.

Память о римской традиции не была единственным преимуществом евреев, другим преимуществом были новые знания, полученные в результате контактов с исламским миром. Подсказку нам дает расположение города Лукки. Это был один из городов, где рожденный в Испании ученый Авраам ибн Эзра (прославленный в стихотворении Роберта Браунинга «Рабби бен Эзра», один из двух средневековых раввинов, в честь которого был назван лунный кратер⁵⁸), странствуя по Италии, останавливался на время, чтобы читать и учиться. Именно Ибн Эзра, посетив Верону в 1146 году, в своей «Книге о числе» («Сефер ха-миспар») предложил первое в Европе описание десятичной системы счисления в арифметике. Не употребляя самих индоарабских цифровых знаков, он пользовался первыми девятью буквами еврейского алфавита для обозначения цифр от 1 до 9, а для обозначения нуля – маленьким кружочком, который он назвал *галгал* (по-древнееврейски «колесо»); таким образом, в нашу систему счисления *галгал* попал раньше, чем арабская точка, обозначающая ноль. Задолго до этого благодаря связям со своими испанскими и ближневосточными братьями еврейские купцы из христианских стран почти наверняка познакомились с новомодными вычислительными приемами. Теперь впервые стало возможно совершать арифметические действия на бумаге, не предпринимая маниакальных исчислений при помощи пальцев и не прибегая к абак (счетам), счетной доске или другому механическому устройству.

Представление чисел в десятичном виде – сотен, десятков и единиц, которое мы проходим в начальной школе, не только упрощает арифметические действия. Что еще важнее, оно позволяет записывать числа в колонки, располагая сотни, десятки и единицы друг под другом, что невозможно сделать с римскими числами. Например, число 48, записанное как XLVIII, состоит из шести знаков, а 51, записанное как LI, всего из двух. Их сумма, 99, или XCIX, состоит из четырех знаков. Поэтому, например, невозможно считать:

⁵⁸ Другим был Леви бен Гершон, известный как Гершонид.

XLVIII
LI

XCIX,

НО МОЖНО —

48

51

—

99.

Это было революционным достижением. Запись цифр в виде колонок открывала совершенно новый мир арифметических, а следовательно, финансовых возможностей.

Прогрессивные методы вычисления стали доступны еврейским купцам в землях Франкской империи несколькими столетиями раньше, чем их использование было разрешено христианским торговцам. Церковь откровенно противилась использованию арабских чисел как языческих символов вплоть до XV века. Ордонанс гильдии флорентийских банкиров 1299 года запрещал ее членам ведение счетов в виде того, «что называется стилем или записью абаки», и требовал от них «писать открыто и полностью, используя буквы»⁵⁹. Еще в 1510 году муниципалитет Фрейбурга отказывался принимать денежные отчеты как законные доказательства долгов, если они не использовали римские числа или содержали суммы, не написанные словами⁶⁰. Еврейские коммерсанты, по крайней мере те из них, кто быстро схватывал новые идеи, получали в тот момент большое преимущество перед своими конкурентами. Должно было пройти некоторое время, прежде чем нееврейские соперники смогли их догнать.

⁵⁹ Sachs S.E. The 'Countinghouse Theory' and Medieval Revival of Arithmetic (http://www.stevesachs.com/papers/paper_90a.html).

⁶⁰ The History of Accounting: An International Encyclopedia. New York; London, 1996.

Новые границы, новая зависимость

Но в конце концов они их догнали. Были проведены новые границы, принесены новые клятвы верности, из старых языков родились новые. Экономика германской империи⁶¹ росла, и, естественно, местные жители достигли в искусстве коммерции еще больших успехов, и евреи потеряли свое значение. Там, где вначале правящий класс принимал еврейских торговцев как почетных гостей и чувствовал, что ему повезло, раз он смог привлечь таких умных специалистов, суливших экономическое развитие их незначительных владений, теперь местные христианские ремесленники и купцы стали все больше ревновать к еврейским знаниям и предприятиям. С X века они стали объединяться в гильдии и торговые ассоциации, исключавшие членство евреев и отчаянно боровшиеся против еврейской конкуренции. По мере прогресса германского общества новые монархи, пытаясь подражать римским императорам, стали уделять внимание компиляции римского права, составленной византийским императором Юстинианом – грозой готов, еретиков, язычников, а заодно и евреев, издавшим несколько законов, которые ограничивали свободу евреев в их деятельности и в отправлении обрядов. Его принципом было то, что «евреи никогда не должны наслаждаться плодами власти, а только страдать от ее притеснения и наказаний».

Не все было гладко и с германским миром. Борьба за власть между Церковью и государством никак не заканчивалась. Папа и император боролись за первенство, этот спор привел к скандалу, когда в 1076 году папа Григорий VII отлучил от церкви императора Генриха IV, а в ответ Генрих назначил антипапу по собственному выбору. Простым людям было незачем принимать сторону какой-либо из конфликтующих сил, и они обращались за поддержкой к низшему духовенству, часто далекому от образованности, или к монастырям, у которых были собственные планы промышленной экспансии. Централизованная Римская церковь находилась под угрозой быть покинутой своей паствой.

Реагируя на эти социальные и политические проблемы, лидеры Церкви не имели другого выбора, кроме как реформировать свои учреждения и протянуть руку простому народу. В этом мире Земля была плоской, Солнце и Луна были фонарями, которые Бог поместил на небе для удобства людей, а характер Царя Небесного можно было понять из того, как вели себя земные правители, – священники объясняли своей пастве, что Бог Отец обладает таким же вспыльчивым и нетерпимым нравом, как короли и императоры. Теперь Церковь начала распространять другую идею, несоотнесимую с очевидными моделями человеческого поведения, – о Боге, любящем своих земных почитателей, который так возлюбил мир, «что отдал Сына Своего единородного, дабы всякий, верующий в него, не погиб, но имел жизнь вечную» (Ин. 3: 16).

Было отброшено представление о папе и епископах как о великих и богатых мирских господах – образ, который в прошлом вызывал по отношению к священникам восхищение и обожание множества людей. Произошел отказ от помпезности и торжественности. Богатство изгонялось, бедность и аскетизм приветствовались. Сын Божий Иисус стал изображаться не как Царь Небесный, а как бедный человек, подобный простым верующим, очень гуманный Христос, пожертвовавший собой ради людей и сам много страдавший, как страдало все средневековое население. Святые изображались как простые и слабые человеческие существа, похожие на тех, кто им поклонялся. Обычные люди поощрялись к тому, чтобы

⁶¹ Священная Римская империя (с начала XVI века Священная Римская империя германской нации) была основана в 962 году на территории Центральной Европы, существовала до 1806 года. Кроме собственно Германии, включала в себя современные территории Швейцарии, Нидерландов, Бельгии (до XVII века), некоторых областей современных Франции и Италии. Чехия в 1212 году была признана неделимым государством в составе империи. – *Прим. ред.*

непосредственно принять руку спасения вместо того, чтобы полностью полагаться на дорогостоящую работу религиозных профессионалов.

Последовала неизбежная переориентация Церкви. Начиная с XI века простолюдины стали, как никогда ранее, энтузиастами духовности; целые их процессии выходили на улицы, выражая священное рвение. Религиозная страсть выражалась в длительных паломничествах к мощам святых и мучеников, к святилищу Богоматери Уолсингтонской в Англии, к колодцу святой Уинифред в валлийском Холивуде, к святилищу св. Руперта в австрийском Зальцбурге, к могиле апостолов в Риме, к мощам Трех королей в Кёльне...

Когда апрель обильными дождями
Разрыхлил землю, взрытую ростками,
И, мартовскую жажду утоля,
От корня до зеленого стебля
<...>
Тогда со всех концов родной страны
Паломников бесчисленных вереницы
Мощам заморским снова поклониться
Стремились истово...⁶²

Религиозная экзальтация концентрировалась вокруг размышлений об агонии Иисуса; люди были одержимы деталями крестных мук. И чем больше они сосредотачивались на смерти Христа, тем чаще Евангелия направляли их к обвинению евреев. И чем больше они обвиняли древних евреев, тем больше закипал их гнев на современных евреев, и появлялось желание отомстить им. Правящие классы и Церковь делали все, что могли, чтобы сдерживать вспышки народного насилия, хотя поддержка ненавистных знати и высшего духовенства отнюдь не способствовала сочувствию евреям со стороны толпы. Первые сообщения о гонениях на евреев в Германии датируются началом XI века; в 1012 году они были изгнаны из Майнца, после того как священник обратился в иудаизм (вскоре, однако, евреев призвали вернуться, потому что город не мог обойтись без них).

Духовная революция, нашедшая отклик в массах, не могла реформировать класс свое нравных воинственных феодалов, правивших тогда в Западной Европе. Они хранили культуру чести и ее отчаянной защиты; обычным делом были постоянные частные стычки, а человеческая жизнь и безопасность мало чего стоили. Когда средняя ожидаемая продолжительность жизни человека не превышала сорока лет (и то, если ему везло, потому что в те времена голод и эпидемии были постоянной и реальной угрозой), славная смерть на поле брани была предпочтительнее жалкой кончины от болезни в своей постели. Но Церковь отказывалась признать воинственные армии, постоянно пересекавшие континент, как неизбежное зло. С X века она старалась положить конец постоянным схваткам и ограничить насилие против людей и собственности, установив так называемый «Божий мир». Синоды Франции в 990 году под угрозой отлучения от Церкви запретили любой акт частного вооруженного столкновения или насилия в отношении церковных зданий, духовенства, паломников, купцов (в том числе евреев), женщин, крестьян, скота и сельскохозяйственного инвентаря. На совете в Бурге в 1038 году архиепископ потребовал, чтобы каждый христианин от 15 лет и старше принес клятву соблюдать и поддерживать мир.

Идея «Божьего мира» не сработала, как и последовавшего за ним «Божьего перемирия». Разрешить ситуацию нужно было радикально. Если воинственные феодалы не могли или не хотели прекратить бороться друг с другом, их агрессию надо было направить в дру-

⁶² Дж. Чосер. Кентерберийские рассказы (здесь и далее – в пер. И.А. Кашкина).

гую сторону, за пределы полей и лесов Европы. Пусть они нападут на мусульман Ближнего Востока, победивших христиан Армении, Сирии, Палестины, святого города Иерусалима и движущихся угрожающим маршем на Второй Рим – Константинополь.

На Клермонском соборе во французской Оверни 27 ноября 1095 года папа Урбан II восседал на папском троне, установленном на склоне холма. Позади него возвышалось старое святилище, где около полутора веков назад начались работы по сооружению большого собора из черного камня. Напротив, внизу, ему внимала огромная аудитория: сотни епископов, священников, дворян, купцов и крестьян, откликнувшихся на его призыв ко всему христианскому миру помочь Византии в борьбе против турок и ждавших услышать его слова. Согласно свидетелю Фульхеру из Шартра, позднее написавшему «Историю экспедиции в Иерусалим», эти слова звучали так:

Я, а вернее сказать, Господь, молю вас, как посланцев Христа, разнести эту весть везде и убедить всех людей из всех состояний – пеших солдат и рыцарей, бедных и богатых – подать помощь христианам и удалить этот гнусный народ с земли наших союзников.

Толпа ответила страстным ревом: *Dios lo volt* («Этого хочет Бог»), и Урбан провозгласил папскую индульгенцию (немедленное отпущение всех грехов) любому участнику похода за освобождение Святой земли от неверных. Рыцари потрясали оружием, кардинал опустился на колени и, стуча себе в грудь, читал покаянную молитву, а епископ Адемар ле Пюи раздавал матерчатые кресты всем новым воинам Господа, чтобы те пришили их себе на плащи. Так начинался Первый крестовый поход.

Возможно, это и не входило в намерения папы, но он сумел развязать волну вульгарного и беспощадного зверства, рассекшего кровавой раной всю Европу на пути крестоносцев на Ближний Восток. Еврейские общины во Франции содрогнулись. Они прекрасно понимали, что при их традиционном положении посредников на полпути между Христом и Аллахом крестоносцы, без сомнения, сочтут их неверными, при том что они более доступны и хуже защищены, чем далекие мусульмане-турки с их огромными армиями. Еврейский летописец, известный исследователям как Аноним из Майнца (Mainz Anonymous), писал вскоре после этого:

Каждый сказал своему другу: «Эй, мы собираемся в далекие страны, воевать с их царями. Мы отдаем наши жизни, чтобы убивать в этих царствах тех, кто не верит в Того, кто был повешен⁶³. Но это евреи убили и повесили Его!» Когда общины Франции слышали об этом, они были охвачены страхом и трепетом <...> писали письма и посылали гонцов ко всем общинам Рейнских земель, что они должны поститься, пребывать в воздержании и просить о прощении Живущего на небесах, чтобы Он спас евреев от рук христиан.

Но когда эти письма были получены в Рейнских землях, местные еврейские общины проявили изрядный оптимизм перед лицом ожидавшей их опасности. Их жизнь была мирной и спокойной, они считали себя защищенными от волны насилия, катящейся по Европе:

Все наши общины провозгласили пост – мы сделали все, что могли. Пусть Всемогущий спасет нас и вас от всех напастей и злоключений. Мы очень опасаемся за вас, но нам нет нужды так беспокоиться за себя, и мы даже не слышали никаких слухов.

⁶³ Слово «повешенный» (*тола* или *талуй*) средневековые евреи обычно использовали для обозначения Иисуса, чтобы избежать имеющих религиозные коннотации слов *Христос*, *крест* и *распятый*.

Их беспечность оказалась трагической ошибкой. Где бы ни проходили крестоносцы, евреи всегда становились их первыми жертвами. Хотя дорога на Восток не проходила прямо через Рейнские земли, 15 000 «господних воинов», ведомых головорезом, бароном Эмихо из Лейнингена, весной 1096 года пошли окружным путем на север через Шпейер, Вормс и Майнц, а часть их пошла на запад – в Трир и Мец, убивая евреев везде, где они попадались, после чего обе группы объединились в Кёльне. Спустя полвека Соломон бар Шимшон описывал ужасающие сцены:

Это было восьмого ияра [третьего мая]. Крестоносцы и бюргеры обратились вначале против праведных, благочестивых людей Шпейера, собираясь захватить их всех в синагоге. Но последние были предупреждены, они поднялись рано утром в субботу, быстро помолились и покинули синагогу. Когда крестоносцы увидели, что их план схватить всех разом провалился, они обратились против евреев везде, убив одиннадцать из них. Это было только началом резни.

[В Вормсе] они говорили: <...> «Да не убежит ни один, даже юные и младенцы в колыбели!» Они пришли и убили тех, кто оставался в своих домах, – прекрасных неженатых мужчин, красивых девушек и стариков – все подставили шеи для меча, даже отпущенные на волю рабы и служанки были среди убитых во славу имени Бога.

[В Майнце] молодые и старые надели доспехи и препоясались оружием. Во главе их был рабби Калонимос бен Мешуллам, глава общины. Но из-за многих забот и поста, который они соблюдали, у них не было сил устоять против врага...

Головорезы Эмихо впоследствии были разбиты венграми, а сам запятнанный кровью барон удрал домой, где и умер лет через двадцать. Его потомство, в отличие от потомков его жертвы рабби Калонимоса бен Мешуллама, исчезло в XIII веке. Еще долго была известна христианская легенда, согласно которой неупокоившийся призрак барона являлся в Майнце, упрашивая людей молиться об освобождении его проклятой души от адских мучений.

Мы никогда не узнаем, сколько было убитых или – что может казаться еще хуже – предпочитавших убить себя и своих близких, чем принять крещение. При этом они использовали измененный способ ритуального забоя животных, который они называли *Кидуш Гашем* (освящение [Божьего] Имени). Элеазар бен Иегуда бен Калонимос из Вормса писал:

Гнев Божий поразил все святые общины в году 1096. И тогда все мы пропали, все погибли, кроме очень немногих оставшихся в живых из наших родичей.

Христианский хронист Альберт Аахенский описывал, как крестоносцы поднялись в «жестоком порыве против еврейского народа, рассеянного по городам, и безжалостно их убивали».

Однако, по мнению профессора Бернарда Бахраха, «тщательное изучение множества источников на латыни, греческом и древнееврейском делает очевидным, что сообщения о перенесенных различными еврейскими общинами страданиях в еврейских хрониках настолько преувеличены, что они имеют очень малую ценность в качестве исторических источников»⁶⁴.

Принято считать, что из-за нападений крестоносцев, а также из-за последовавшей вскоре эпидемии чумы (Черной смерти), которая вспыхнула в XIV веке и причины которой народ видел в том, что евреи отравляли колодцы, – евреи были вынуждены мигрировать на

⁶⁴ *Bachrach B.S. Jews in Barbarian Europe...*

восток от франко-германской границы через Германию в Польшу, спешно бежав от кровавых и самозванных мстителей за Христа. Но ни в каких источниках того времени – ни в еврейских, ни в нееврейских – нет упоминаний о массовой миграции евреев. Верно, что при слухах о приближении крестоносцев многие общины бежали, но бежали они в ближайшие города и замки, где местные дворяне и епископы чаще всего делали для их защиты, с различным успехом, все, что могли. На время евреи передавали на сохранение свою собственность и движимое имущество доверенным соседям и возвращались в свои дома, когда угроза миновала. Император Генрих IV, находясь в тисках оппозиционного духовенства, тем не менее позволил евреям из Бамберга, избежавшим убийства благодаря крещению, открыто вернуться к своей вере. По мнению профессора Симона Шварцфукса из Бар-Иланского университета (данные «Encyclopaedia Judaica»), «разрушенные общины в долине Рейна были быстро восстановлены: Вормс, Шпейер, Майнц, Кёльн и Треве [Трир] вскоре заново обрели свое прежнее значение. <...> Ничто не подтверждает, что в этот период евреи в Западной Европе потеряли чувство безопасности в местах своего проживания. Великого исхода не было ни в 1096, ни в 1146 годах».

Но нечто разрушительное действительно произошло. Прежде всего, крестоносцы принесли разорение не только в Германию. Те, кто жили в восточных землях, тоже подвергались разгрому со стороны воинов Христовых. Епископ Козьма, декан пражского кафедрального собора и первый богемский летописец, писал, что преследования участников Первого крестового похода вынудили евреев в 1098 году уйти из Богемии в Польшу – иными словами, перейти из одной славянской страны в другую.

Более важно, что Первый крестовый поход подал сигнал, который не мог остаться незамеченным, который кровью и огнем отмечал конец эпохи. В Германии евреи жили комфортно, они занимали почетное место в обществе, будучи хотя и чуждым, но уважаемым меньшинством, ценимым за его процветание. Но с годами настроение менялось. Евреи стали чувствовать презрение мелких дворян, зависть бюргеров, отвращение духовенства, ненависть масс. Толпы поверили, что на евреев допустимо нападать везде, где происходили социальные или религиозные волнения. После первого изгнания еврейской общины из Майнца в 1012 году евреев стали часто изгонять из городов, где они жили. Происходили суды над ними по надуманным сфабрикованным обвинениям: приговор был заранее предрешен, и суд заканчивался казнью на костре или на виселице.

Можно ли представить, чтобы преследования такого масштаба не обратили взоры хотя бы некоторых людей к безопасным убежищам? Разумеется, нет. Но рассказ на этом отнюдь не кончается. Несколько сотен лет на рубеже тысячелетий происходили события, заново сформировавшие всю Европу на следующую тысячу лет – и не только для евреев. Начиналось новое переселение народов, новый *Volkerwanderung*. Люди, говорившие по-немецки (многие – под руководством священников или монахов), начали постепенно перемещаться на восток, в страны славянских или прибалтийских народов, в великом движении, которое получило название *Drang nach Osten* – «натиск на восток».

Drang nach Osten

Историки долго обсуждали причины германского продвижения в славянский мир. Этот мир был, конечно, малонаселен, там были новые земли, которые можно было возделывать, и новые рынки, на которых можно было торговать. Но такое активное движение населения едва ли объясняется только тягой к новым возможностям без какого-то толчка. Лучшее объяснение на сегодняшний день состоит в том, что миграция была следствием продолжающегося роста населения. После волнений и беспорядков, нападений и вторжений, культурного коллапса и религиозных смут, последовавших за падением Западной Римской империи, христианская Европа X века начала ощущать большую стабильность и безопасность, чем это было в течение многих столетий. Через долгое время поворот был сделан, будущее выглядело светлее, женщины приобрели уверенность в будущем и стали растить детей, семьи увеличивались.

Под давлением роста населения и в результате нехватки местных ресурсов около начала II христианского тысячелетия немецкие землевладельцы, горожане, духовенство и крестьяне начали сначала проникать в населенные славянами земли Бранденбурга, Баварии, Австрии, частично Богемии и Силезии, а затем захватывать их. Многие из таких первых походов возглавлялись воинственными монахами, мотивы которых включали как обращение язычников, так и поиск выхода для своей энергии. «Было много колоний, которые они отделяли от себя, подобно разумным пчелиным роям, и распространяли <...> среди варварских народов», – пишет английский хронист Уильям из Ньюбурга. «Наше поместье Альхузерен сначала было лесом, который расчистили люди, называемые венедями [славянами]. Эту землю сделал поместьем наш управляющий Готфрид», – объясняет немецкий хронист XII века⁶⁵. Успехи монахов можно проследить по неожиданному появлению новых видов земледельческих культур в восточных регионах (примером может служить сорт яблок ранет, сложное перемещение которого по континенту до мелких деталей прослежено в XVII веке: из Моримонского аббатства в Бургундии к дочернему хозяйству в Альтенкампе, затем из аббатства в аббатство, через Тюрингию, Саксонию и Силезию в Польшу). Некоторые колонисты приезжали по приглашению местных феодалов, желавших развивать на своих землях сельское хозяйство и коммерцию:

Ему нужно лишь явиться к управляющему, который сажает его на лошадь за собой и привозит его на землю. И как только путешественник окажется на земле, в том месте, которое он сам выберет, он спрыгивает с лошади, и здесь управляющий отмерит ему пятнадцать моргенов в ширину и длину [около 40 гектаров], признает их его собственностью и предложит ему долю в имении⁶⁶.

Организованные экспедиции возглавляли так называемые локаторы («размещающие»), по-польски *zasadźca*, которые за плату или за участок земли подготавливали площадь, договаривались с местным населением, организовывали транспорт. Князь Силезии Хенрик Бородатый в 1205 году организовал кампанию по привлечению 10 000 семей для устройства 400 новых деревень на своей территории.

Разумеется, среди этих пионеров были евреи, говорившие ранее на латыни, а теперь по-немецки. Доктор Ванклин в своей часто цитируемой лекции, прочитанной в Королевском

⁶⁵ Coulton G.G. The Medieval Village. London: Cambridge Univ. Press, 1925.

⁶⁶ Ibid.

географическом обществе в январе 1940 года, когда маниакальная программа Гитлера впервые привлекла внимание серьезных ученых к истории идишской цивилизации, говорил:

Более длительным и существенным фактором, чем неожиданный взрыв гонений, стала определенная привлекательность торговли в этих регионах. Подобно тому как ранее еврейские колонисты следовали за греками и делили с ними прибыли от торговли на Черном море, так и на севере евреи вместе с немцами прозревали коммерческие возможности Восточной Европы. В Средние века они неосознанно приняли участие в германском *Drang nach Osten*.

Но не только коммерческие возможности привлекали евреев в славянские страны. Не одни они побудили и Хораса Грили в 1850 году опубликовать в «Нью-Йорк трибьюн» знаменитый призыв, блестяще выразивший мечту пионеров: «Иди на запад, молодой человек, иди на запад и расти вместе со страной». Мотивации и надежды тех, кто бросил свою предсказуемую, хотя и ограниченную жизнь в городах Рейнских земель, чтобы столкнуться с трудностями и неустроенностью дикого Востока, были столь же разнообразны и сложны, как и те, что позвали жителей Чикаго, Канзаса или Сент-Луиса в XIX веке искать новую жизнь на Диком Западе. Одни искали земель для обработки, другие – возможностей для приложения своих умений в ремеслах, третьи – рынков для торговли. За двести лет до Хораса Грили странствующий по Польше еврейский проповедник Йедиция бен Израиль Готлиб провозгласил:

Страна широко открыта, дайте им стать в ней могучими, селиться и торговать в ней, тогда они не будут лентяями, плохими работниками, детьми, надеющимися на наследство отцов⁶⁷.

Американские жители приграничных территорий XIX века готовили себя к встрече с дикой природой и враждебными туземцами; средневековые же евреи вооружались против зловещих призраков:

Когда вы строите дом среди леса, новые жильцы могут заболеть чумой, если в доме есть призраки. <...> Возьмите Десять заповедей и свиток Торы, и протяните веревку во всю длину места, и поднесите свиток Торы к веревке <...> и в конце скажите: «Перед Богом, перед Торой и перед Израилем стражи его пусть никакой демон и никакая демоница не придут на это место от сего дня и вовеки» («Сефер хасидим»).

Для защиты от реальных врагов на средневековом диком Востоке требовались железные латы и шлемы, необходимые тем, кто пролагал новые пути в век, когда, как писал историк экономики Дэвид Хаккет Фишер⁶⁸, защита тела была важнее, чем роскошь. Исследования показывают, что в те времена спрос на защитные доспехи был таким же высоким, как в наши дни спрос на стиральные машины и холодильники, и привел к росту производства этих «товаров длительного пользования».

Для пионеров были опасны скорее такие же, как и они, чем туземцы, – подобно тому как на Диком Западе стычки происходили главным образом между самими поселенцами – бандитами и банкирами, пастухами и угонщиками скота, мужьями-рогоносцами и странствующими ловеласами. Типичный случай, рассказывающий нам о жизни на новых землях, уже в XV веке привлек внимание раввинов в «святой общине Львова» – его приводит раввин Исраэль бен Хаим из Брюнна (ныне Брно). Пьяный спор в Переяславе, городе на восточ-

⁶⁷ Shir Yedidoth [Песня дружбы]. Krakow, 1644.

⁶⁸ Fisher D.H. The Great Wave...

ном берегу Днепра, закончился тем, что на одного еврея напала ватага его единоверцев. Его повалили на пол, и Нахман, один из толпы, закричал: «Симха, бей его! Забей его до смерти!» Симха ударил его по голове, и тот лежал, пока не умер. Объяснением послужило то, что убитый был совершенно невежественный человеком, «он не знал ни одной еврейской буквы и ни разу в жизни не надевал *тфилин* [филактерий]».

На самом деле на диком Востоке происходило сравнительно мало нападений со стороны коренного населения, пытавшегося защитить свои земли от захвата. Напротив, пионеры-евреи, к своему удивлению, обнаружили, что по всему этому новому миру, в городах и деревнях, на местах вырубленных лесов и на равнинах были рассеяны люди смешанного еврейского, славянского, греческого и даже турецкого происхождения, которые называли себя евреями, но у них было очень мало узнаваемых синагог или религиозных школ, они не знали ни одной еврейской буквы и даже не знали, что такое *тфилин*. Это были люди, называвшие себя славянскими именами вроде Левко, Елень и Пихач, а их женщины окликались на имена Чарнула, Краса и Витослава. Они говорили на славянских диалектах с вкраплением турецких и греческих слов, заимствованных от предков, их религия хранила смутные воспоминания о византийском, романиотском иудаизме – если о нем вообще помнили. Они жили в такой же бедности, как крестьяне и ремесленники, и были такими же необразованными. Рабби Элиэзер бен Исаак из Богемии приблизительно в 1200 году писал с удивлением:

В большей части Польши, Руси и Венгрии нет изучающих Тору. По своей бедности общины не могут нанять знающего человека, который мог бы стать у них чтецом, судьей и школьным учителем⁶⁹.

Даже в XVI веке образованные люди все еще сокрушались по поводу плохого знания святого древнееврейского языка евреями Восточной Европы:

Юноши <...> ничему не обучались и ничего не понимают в грамматике. Они путают мужской род с женским, второе лицо с третьим, единственное число с множественным. Это происходит из-за того, что они не были приучены к грамматическим категориям измлада...⁷⁰

И подобно тому как немцы, особенно те, кто числился в военно-миссионерских структурах наподобие Тевтонского ордена или Ордена меченосцев, образовывали новые христианские государства вдоль балтийского побережья, считая своим священным долгом распространять веру в Иисуса среди язычников, так и еврейские пионеры начали свою собственную тысячелетнюю миссию, чтобы привлечь к Торе и Талмуду восточноевропейских жителей, утверждавших, что они исповедуют иудейскую веру, чтобы вернуть их, как они это представляли, к вере настоящих евреев.

Обе ветви еврейской диаспоры Римской империи, две половины нарождавшегося идишского народа – западная и восточная, латинская и греческая в конце концов объединились после многих столетий разделения. Наверняка можно сказать, что каждая из половин долго ждала другую.

⁶⁹ Цит. по: Brook K.A. The Jews of Khazaria...

⁷⁰ Цит. по: Wexler P. The Ashkenazic Jews...

На перекрестках

Начало XV века. Мрачным осенним днем молодой ученый-христианин Ансельм де Паренгар, склонив голову под порывами ветра, идет по узким мощенным булыжником улицам еврейского квартала в обычно шумном баварском городе Регенсбурге, некогда называвшемся Ратисбоном. Сегодня суббота, и большинство людей сидит дома. Можно услышать разве что бормотание молитв из-за дверей, доносящееся со всех сторон; иногда с соседнего двора слышится кудахтанье кур над копнами соломы, свалившимися с перевернутой телеги. Эта телега, изображенная на лежащей передо мною гравюре с видом Ратисбона, будто бы много лет дожидается, чтобы ей заменили колесо. Ансельм сворачивает в переулок между деревянными домами, уже довольно старыми (первые упоминания о еврейском квартале в Регенсбурге относятся к 1008 году). Он переступает через открытую дренажную канаву посреди улицы и наконец подходит к огромному полуразрушенному дому, куда он сегодня приглашен на праздничный обед.

Дом был темно-серый, покрытый мхом, – неприглядная груда камней, с плотно закрытыми ставнями на случайным образом разбросанных окнах разных размеров. Можно было усомниться в том, что дом вообще обитаем. Проулок, не более 25 метров длиной, слабо освещенный в субботу, вел к темной полуразрушенной витой лестнице, с которой была едва видна дорожка вдоль стены, ведущая к стоящему позади строению⁷¹.

В этих строках хронист XV века описывает посещение дома Самуила Белассара, самого богатого еврея в самом важном свободном городе германского востока. На месте Ратисбона (название города с кельтского переводится как «Простая крепость») римляне воздвигли *Castra Regina* («Господствующая крепость», по-немецки Регенсбург). Город стоял «на изгибе Дуная», на перекрестке Европы. И сейчас, спустя два тысячелетия, здесь все еще стоит римская стена с Преторианскими воротами.

⁷¹ *Abrahams I. Jewish Life in the Middle Ages. Philadelphia; New York: Jewish Publ. Society of America, 1896.* Автор цитирует «Еврейский ежегодник» («Jahrbuch für Issraeliten») Йозефа Вертхаймера (Joseph Wertheimer) 1856 г.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.